

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

ИМЯ ПАЛЛАДА

Господин Посредник

Алексей Бессонов

Имя палача

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бессонов А. И.

Имя палача / А. И. Бессонов — «Эксмо», 2017 — (Господин
Посредник)

ISBN 978-5-04-089289-1

В далеком прошлом Карающая Мать сумела расправиться с бандами Ловчих, вознамерившихся уничтожить все живое на планете, приютившей человечество. Здесь, в этом чужом для нее мире, она и нашла себе могилу. Но ее имя стало ключом к могуществу и бесценным сокровищам земных недр. И вот, спустя тысячелетия, в одном из древних храмов планеты появляется таинственный Повелитель, глава секты фанатиков загадочного культа. Любой ценой он стремится узнать это имя – имя богини, уничтожившей Ловчих. Бывалый воин, князь Маттер, юный принц Инго и прелестная инопланетянка Влира получают задание Галактической Лиги: отыскать и нейтрализовать самозваного Повелителя, ликвидировав таким образом нависшую над Содружеством Миров угрозу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089289-1

© Бессонов А. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Бессонов

Имя палача

© Бессонов А.И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Ближе к полудню ветер, тянувший с юга сизые дождевые тучи, вдруг утих. Нудная мелкая капля прекратилась, в голубых просветах блеснули солнечные лучи. Над мелкой волной снова появились пестрые птицы, выбравшиеся из своих укрытий в скалах к западу от порта.

– Дождь закончился, ваша милость.

– Да?

Высокий мужчина лет сорока, с загорелым, узким лицом встал из-за столика, выглянул в окно и улыбнулся хозяину таверны, в которой сидел уже больше часа.

– Пожалуй, эти тучи унесло в океан.

– Именно. Прикажете еще фруктового узвара? Пирожное?

– Нет, спасибо. Мне уже пора: время вышло...

С этими словами гость положил на столик несколько монет, вежливо кивнул и надел широкополую шляпу с серебряной пряжкой на ленте. Узкая старинная улочка, выложенная серой брусчаткой, встретила его подзабытым уже холодком северной весны. Многие годы он провел вдали отсюда, вдали от этих сине-зеленых лугов, от изрезанного холмами горизонта, от крохотных городков, спрятанных за высокими каменными стенами... Небо казалось низким, море отливало свинцом, а скупое солнце так и норовило спрятаться в тучах.

– Лето запаздывает, – сказал он сам себе, поднимая воротник своей тонкой кожаной куртки, которая хорошо скрывала кинжал и кобуру с многозарядным пистолетом.

За ратушной площадью мужчина свернул к порту. Выйдя на площадку возле храмовой школы, откуда открывался прекрасный вид на бухту, он внимательно посмотрел вниз. Возле одного из пассажирских причалов дымил трубами только что подошедший паром, соединявший регулярным маршрутом берега огромного залива Лир, глубоко врезавшегося в западную часть континентальной Пеллии. Южный берег залива гордо именовался Столичной Маркой, здесь же, в древнем порту Лаарис, находились Врата Севера, холодного и для многих пеллийцев по сей день таинственного.

Вид парома заставил мужчину ускорить шаг. Через несколько минут он спустился по каменной лестнице, усаженной с обеих сторон хвойными деревьями, и оказался на террасе. От нее к причалам вели широкие кирпичные сходы. Над берегом тянулся угольный дым – три грузовика, пытя моторами, разворачивались возле причала, к которому подошел паром.

С широкого судна спускались пассажиры: деловитые негоцианты в темных плащах и шляпах, мамы с детьми, несколько старух, едущие, судя по белым шнурам на плечах, с богомоля. Мужчина прищурился: на сходнях мелькнула фигура в клетчатом шерстяном плаще.

– Ну, здравствуйте, Хадден.

– Рад приветствовать ваше вы...

– Да помилуют нас боги! Вы в своем уме?

Его высочество провел рукой по бледному после морского путешествия лицу и выдохнул сквозь зубы:

– Молю вас, называйте меня просто «господин Инго». Мне, знаете ли, и так нелегко было убедить мое семейство избавить меня от тягости службы в Майли. Похоже, они теперь считают, что я спятил на теме религиозных изысканий.

– Вот как?

– Это скандал, но нам с вами так даже проще. Ну что, пойдете? Надеюсь, на север ходит какой-нибудь регулярный транспорт?

– Нам он не понадобится. Я арендовал машину.

Инго одобрительно кивнул и взялся за один из своих кожаных саквояжей, взглядом дав понять Хаддену, что не позволит ему тащить весь багаж самостоятельно.

– Вы голодны? – спросил Хадден, когда они с принцем поднялись на террасу.

– Нет, завтрак оказался вполне съедобным. Если бы не волна...

– Перед выездом из города нам придется захватить что-нибудь с собой.

– Это понятно, дружище... Я хорошо изучил карту и представляю, куда нам ехать. Не знаю только, в каком состоянии у вас тут дороги.

– Раньше были в отвратительном, но край богатеет, так что вроде бы деньги находят и на это. Вам, наверное, приходилось слышать, что здешние налогоплательщики – все до одного гордецы и местным властям спуска не дают?

– Вот оно как!

– Будьте уверены, ваша милость. Приходится отвечать за каждый медный грош...

Путники прошли до конца террасы и свернули налево на мощенную новенькой плиткой дорогу, ведущую в район портовых складов. Дующий вдоль берега ветер стал слабее, отчетливо запахло дегтем. Инго зачем-то обернулся, поглядев на бухту сверху. Справа возле мыса дымил высоченными трубами огромный, черный океанский пароход: принц не мог видеть его вымпел, но судно показалось ему не пеллийским.

– Лавеллер, – уверенно произнес Хадден, тоже повернувшись вместе с юношей.

– Вы так думаете?

– Вижу, господин Инго. У наших восточных соседей своеобразные представления о красоте и целесообразности. Видите эти здоровенные трубы, округлую рубку с гнутыми стеклами? Вот... Сюда он, скорее всего, привез детали строительных машин, а обратно пойдет с грузом меди и красного дерева. Впрочем, вы сами знаете, как растет в последние годы наша торговля.

Через несколько минут Хадден свернул в какой-то переулок, образованный каменными складскими стенами, и остановился возле ворот с калиткой. На стук дверного молотка высунулся сторож, оглядев гостей, он приветливо улыбнулся, махнул рукой. В углу двора, плотно заставленного прицепами-лесовозами, принц увидел серый «Хусс» с крытым кузовом. Хадден подошел к машине, повернул ключ в замке задней двери, открывавшей доступ в багажное отделение, и погрузил оба саквояжа.

– Итак, в путь, – сказал он, распахивая перед Инго пассажирскую дверцу, – переночуем мы в Зиттле, я уже заказал номер депешей.

– Я не сомневался в вашей предусмотрительности, капитан.

Принц устроился в мягком кресле, застеленном еще и теплым шерстяным пледом, устало вздохнул и бросил на заднее сиденье свою шляпу.

– У вас, случаем, нет ли чего-нибудь попить? – спросил он.

– Нет, – Хадден виновато пожал плечами. – Простите, я не подумал об этом. Сейчас мы доберемся до лавки, где я планировал набрать провизии в дорогу, еще раз извините, мне не хотелось делать это без вас.

– Я доживу до лавки, – рассмеялся Инго. – Да, и вот что, господин капитан: за все время нашего знакомства я ни разу не услышал вашего имени. Для меня ситуация выглядит немного неловко... а с учетом того, что мы с вами служим одному и тому же хозяину, так тем более.

– Джеш Эрран барон Хадден к услугам вашей милости. Но что касается службы... я...

– По факту это именно так, – перебил Инго и отвернулся к окну. – Мы вернемся к этому разговору позже, господин Джеш, а пока просто поверьте мне на слово, идет?

За ратушной площадью Хадден выбрался на большой проспект. Инго с интересом смотрел по сторонам, разглядывая высокие здания с множеством каминных труб на крышах. Здешняя архитектура казалась ему более скупой, чем привычные, уже вычурные шедевры Юга, но от того, пожалуй – мрачно-величественной.

– Стражи Северных Врат, – прошептал он. – Почему я не был здесь раньше?

Хадден остановил машину возле длинного магазина в три этажа, построенного, судя по его виду, совсем недавно.

– Здесь есть все, – сообщил он, – совсем как в столице.

В холле первого этажа капитан взял правее. За дверями со старинным цеховым гербом мясников города Лаариса перед путешественниками открылся зал с рядами стеклянных прилавков. Внутри каждого из них горели маленькие лампочки, освещая горки деликатесов со всех концов Пеллии. Инго втянул носом воздух и понял, что сейчас у него закружится голова. Выскочивший откуда-то мальчишка вручил Хаддену корзину из лакированной лозы.

– Давайте не будем терять времени, – с усилием произнес принц. – Вон, я вижу какие-то ветчины, а там, поодаль – сыры с пряностями.

– Выбирайте, – кивнул Хадден, – а я пока возьму пирог с уткой, немного хлеба и что-нибудь попить. На дверях – герб мясников, но на самом деле, как видите, тут можно экипироваться для самой знатной вечеринки.

Из магазина они вышли с полной корзиной. Оказавшись в машине, Инго сразу же выпил полбутылки фруктовой воды и наконец выдохнул:

– Если честно, господин Джеш, я не очень привычен к морским путешествиям. Для пеллийского принца это даже странно, да? Но – вот...

Хадден сочувственно покачал головой. Он сразу понял, что парня изрядно укачало за время плавания через залив, однако старался не подавать виду. Принц есть принц, что бы он там о себе ни думал.

– Выпейте лучше вина, – сказал он. – Путь нам на север, и путь не самый близкий.

– Когда сын Пелла на север плывет, три бочки вина с собой он берет, – пропел Инго красивым театральным баритоном и полез между сиденьями назад, где лежала корзина. – Эй, не тормозните сейчас резко!.. Ну вот, теперь мне действительно станет легче. Надеюсь, вечером вы составите мне компанию? Я первый раз в жизни еду куда-то без всей этой проклятой своры слуг, телохранителей и прочих!

– Да, по такому поводу и впрямь стоит выпить. Не буду спрашивать, как вам удалось от них отделаться...

– Ох, это было нелегко. Пришлось поскандалить, да! Но поскольку Гранитный Трон мне не светит ни в коем случае, на меня, похоже, махнули рукой. Для такого человека, как я, занятия историей религии – дело не самое обычное, но, в принципе, приемлемое. Лишь бы ему не стукнуло в голову затвориться в монастыре – так они думают, а все остальное, в общем-то, особого значения не имеет.

В окошке мелькнула башня старинной сторожевой заставы, и дальше потянулись в солнце и тени кварталы доходных домов, а потом все вокруг зазеленело садами. За большой развилкой дорога стала шире, появились дымки тяжелых тягачей, каждый из которых тянул по два-три прицепа. Инго задумчиво смотрел на летящую под колеса серую ленту, иногда прихлебывая из кувшинчика с вином.

– После падения Южной Звезды здесь стреляли еще целых тридцать лет, – вдруг произнес он.

– Не совсем здесь, – нахмурился Хадден. – На перевалах Нижней Гряды – да. А тут, на равнинах, шла резня между старыми кланами, но тогда это воспринималось совсем не так, как

сейчас. Война вытащила на свет давние обиды, так что в какой-то момент уже не важен был ни Трон, ни вопросы престолонаследия, да пропади они пропадом! Чтобы понять смысл всей этой борьбы, одних книг мало, господин Инго. Надо пожить среди этих людей, послушать легенды, которые до сих пор рассказывают старики, почитать семейные летописи. У нас мало писали обо всем этом, а для пытливого историка тут просто море работы, на всю жизнь хватит.

– Если найдется кто-то, кто будет этого историка финансировать, – хмыкнул принц.

– А, я думал об этом. Можно писать романы, сейчас это дело модное и весьма доходное. Важно только заранее пробудить интерес к Северу и его истории.

– Проклятье! – Инго недоуменно повернулся к Хаддену. – А ведь это гениально, господин мой Джеш! Книжные лавки нынче завалены откровенной ерундой. Сюжеты скучны, интриги нелепы и выглядят напыщенными, а тут целая жизнь! Кровь, ненависть, соперничество...

– Похищения, погони, несчастная любовь... Воровство скота, подлые убийства и целые столетия мести, – смеясь, продолжил Хадден.

– О, я уже представляю себе все это на театральной сцене! Гм-м... – Принц немного смутился, но все же продолжил, уже потише: – Любой столичный постановщик без долгих разговоров купит пьесу на этом материале, уверяю вас.

– Хорошо! – Хадден хлопнул ладонью по рулю и снова захохотал: – Будет время, мы с вами оформим небольшое предприятие. Я стану договариваться со старыми баронами о фамильных архивах, а вы сядете и возьметесь за перо. Под псевдонимом, разумеется.

– Разумеется, господин Джеш. Читайте, что мы договорились... Но помните же – тс-с!..

Хадден тихонько улыбнулся. Он учился в храмовой школе среди древних рукописных книг и хроник, которые вели жрецы, скрупулезно записывая все сколько-нибудь значимые события, а дома слушал песни, сочиненные много столетий назад. Север казался ему пропитанным кровью целых поколений, однако кровь эта воспринималась как нечто вполне обыденное, нисколько не пугая и не тревожа. Каждый мальчишка из древнего клана мог рассказать великое множество историй, связанных с резней и мстью, а старики порой вздыхали о тех временах, когда мало кто решался покинуть свой дом без длинного меча.

Чуть повзрослев, юный Джеш не видел для себя иного пути, кроме как вступить в королевский полк простым солдатом. Этой дорогой шли многие, даже отпрыски богатых и знатных семейств: сперва несколько лет службы рядовым, потом военная школа и вождеденный офицерский чин. Служба давала положение в обществе и кой-какой доход, но Хаддену не повезло. Окончательное примирение, а потом и бурный рост торговли с Ханонго сделали его военные перспективы довольно призрачными. С армией пришлось расстаться. Хадден отправился за океан, в далекие страны, где всегда был хлеб для пеллийского офицера. Хлеб равнодушного наемника... Но другого выхода он тогда не видел.

Домой он приезжал редко. Старший брат, которому должна была перейти по наследству небольшая усадьба с землей, еще в юности отошел от семьи, полностью отдавшись вопросам религии. Вскоре стало известно, что он затворился в одном из самых суровых монастырей на островах Восточной Гряды. В итоге отец Хаддена, человек добросердечный, но болезненный и рано постаревший, передал все дела своей старшей дочери Глидде, которая выбрала себе в мужа молодого доктора, не имевшего ни малейшей склонности к торговле и сельскому хозяйству. Возвращаясь в старый дом, Джеш Хадден испытывал жгучий стыд, но ничего не мог с собой поделать: в конце концов, даже если бы он решился остаться под родным кровом навсегда, его ждала, по сути, судьба то ли приживалы, то ли наемного приказчика. Старый титул принадлежал ему, но ведь ключи от всех шкафов и ларей держала у себя Глидда, превратившаяся со временем в довольно властную и суровую хозяйку! Такая жизнь не устраивала капитана Хаддена ни в малейшей степени, так что он предпочитал искать свое счастье в других краях.

Сейчас, впрочем, он гнал машину на север с легким сердцем. Сестра уже знала, что он приедет с приятелем на несколько дней «для отдыха в прохладном климате», как написал он в

депеше, но основная причина заключалась в том, что служба у князя Лоттвица словно дала ему новое дыхание. Князя считали человеком таинственным, о его несметных богатствах ходили странные слухи, один другого краше. Впрочем, побывав на «Даамире», Хадден решил, что в слухах этих есть некое зерно истины... Таких воздушных кораблей в Пеллии пока еще не строил никто. При мысли о том, что ждет его в будущем, у Хаддена перехватывало дыхание – точь-в-точь словно у мальчишки, схватившего с отцовской полки приключенческий роман.

Ко всему прочему князь оказался щедр, и теперь в кармане у отставного офицера приятно шуршали королевские купюры, а это значило для него ох как немало!

* * *

Слуга маленькой гостиницы на северной окраине Зиттла поднял Хаддена через час после рассвета.

– Завтрак готов, как вы и просили, – сообщил он. – Компаньон вашей милости проснулся сам и уже закончил утреннее омовение.

«Омовение, – хмыкнул про себе Хадден. – Молельщик, что ли? Ох-х...»

Ему сразу вспомнился брат, с детства полюбивший высокопарные словечки. Это воспоминание заставило его скривиться, будто от кислого вина. Вина, кстати, он вчера выпил всего два стаканчика – впереди ждали почти триста лонов горных дорог, и выезжать следовало с трезвой головой.

– Пусть моя сдержанность не удивляет вас, господин Инго, – сказал он вечером принцу. – Завтра после полудня мы будем у меня дома, а там уж я ни в чем себе отказывать не стану.

– Еще раз восхищаюсь вашей предусмотрительностью, – ответил тот, уже немного хмельной, – и надеюсь, что в вашем краю найдется, чем промочить горло!

Кивком отпустив слугу, Хадден выбрался из-под толстого шерстяного одеяла – ночи стояли еще холодные – и прошел в ванную. Для того чтобы накачать в отдельный бачок горячей воды из расположенного в кухне котла, ему пришлось поработать ногой, нажимая на специальную педаль под раковиной.

Капитан быстро побрился, ополоснул лицо цветочным настоем и, одевшись, направился вниз, где рано вставшие хозяева готовились кормить многочисленных постояльцев. Кроме Хаддена с Инго в гостинице жил мрачный торговец из Лаариса, скупавший шерсть у местных фермеров, и – никого больше, что оказалось весьма кстати, ибо принц все еще побаивался, что его узнают.

– С добрым утром!

Под глазами у юноши было синевато, однако смотрел он весело:

– Я не боялся, что вы проспите, господин Джеш.

– Такого со мной не случилось никогда.

– А вот со мной – регулярно! – засмеялся Инго. – Доставалось же мне от господ воспитателей! Впрочем, им платили неплохие деньги, так что можно было и потерпеть рассеянного ученика.

Хадден прищурился и воткнул вилку в кусок жареной рыбы.

– Вы – и рассеянность?

– Да, капитан, в детстве я был ужасно рассеянным мальчиком, за что мне изрядно перепадало розгами. Я и читать начал позже других. Но, уж начав, остановиться не могу по сей день.

– Я тоже, – признался Хадден. – Когда был в столице, накупил себе целую кучу новинок – в бумажном переплете, конечно, где мне держать библиотеку? И теперь мечтаю найти время, чтобы все это прочитать.

– Я мог бы сесть за руль, чтоб вы отдохнули, – поднял глаза принц.

– Нет. Уж извините, впереди холмы, а вы вчера изрядно попортили себе здоровье.

– Пеллиец не может испортить себе здоровье вином!

– Еще как может, господин мой, так что зря вы смеетесь. Поверьте, уж я навидался...

Они выпили по чашке горячего отвара, сдобренного сладкими пряностями, и через пару минут мотор серого «Хусса» свистнул воздушным стартером. Немного прогрев двигатель, Хадден вырулил со двора: отсюда, с небольшой круглой площади, уже видна была дорога на север, усаженная высокими деревьями.

За первой грядой холмов местность стала постепенно подниматься. В низинах блестели утренним солнцем озера, на берегу которых стояли фермерские дома, длинные и приземистые, их черепичные крыши покрывал сине-зеленый вездесущий мох. На огражденных пастбищах отмахивались от насекомых стада овец и коров. Хадден чувствовал, что по мере удаления от моря небо становится ниже, но однако, как это ни странно, светлее. Впрочем, берега залива Лир он всегда помнил в тумане.

– Никогда не забирался так высоко по карте, – признался Инго. – И, если честно, даже не планировал. Мне больше по душе теплые острова.

– А я однажды побывал действительно в холодных местах, – сказал Хадден. – Там, где снега лежат почти полгода. Теократия Римельт...

– Вы были в Римельте?! – Принц даже подскочил в кресле. – О боги! Из наших ученых туда добрались всего два человека!

– Я сопровождал одного князька из северных провинций Эрзара. Римельт действительно шокирует: фактически страна-монастырь. Такой дикости я не видел нигде: у них не только земля, но даже жены и дети общие. Наверное, иначе там нельзя, не выживешь: зерно растет только по южной границе, но люди живут и севернее, в жутких лесах, где нет ни дорог, никакой связи, вообще ничего. Пасут каких-то странных животных с жирным вонючим мехом, ловят рыбу... Своих владык они почитают, как богов, а те убивают подданных за малейший проступок.

– Бр-р... Не хотелось бы мне там оказаться.

– Кто знает, куда может занести судьба, господин Инго?

Принц молча покачал головой и, вздохнув, прикрыл глаза. Та судьба, что была уготована ему по праву рождения, закончилась после встречи с князем Маттером. Что ждало его впереди, он не знал, да и знать не мог. От таких мыслей у Инго немного потянуло в животе, однако возврата в прошлое теперь не было, он сам назвал Маттера своим наставником и поклялся служить ему.

Через пару часов путешественники въехали в Готли: большую старинную крепость, возведенную некогда Готом Задирой, который, несмотря на свое прозвище, сделал очень много для торговли во всем северном крае, изгнав с дорог разбойников и усмирив особо буйных владетелей. Сотни голов торчали когда-то на пиках вокруг коричневых каменных стен!

Пока Инго с любопытством рассматривал южную башню, знаменитую своим зубчатым шпилем, над которым красовалась семилучевая звезда из желтого горного камня, Хадден до отказа заполнил баллоны «Хусса» газом и раздобыл в ближайшей таверне парочку пирогов с сыром и зеленью.

– Пообедаем, думаю, уже у меня дома, – сказал он вернувшемуся с храмовой площади Инго, – осталось не так далеко.

– Собственно, я не прозорлив, – весело ответил юноша, забираясь в машину.

– Да-а?

– Ну, иногда на меня находит.

– Я так и думал, ваша милость.

Принц искренне расхохотался, и Хадден придавил ногой педаль стартера.

За Готли местность резко изменилась. Пологие холмы остались позади, теперь серая лента дороги петляла в голубых долинах, то и дело огибая огромные, покрытые мхом ледни-

ковые валуны, а на горизонте высились настоящие горы – темные исполины, заросшие хвойным лесом. Все это настолько не походило на залитые золотым солнцем равнины Столичной Марки, что у Инго перехватывало дух. Пеллия открывалась для него своей новой, неожиданной стороной – той, о которой он только читал.

– Здесь часто ложатся снега? – спросил он Хаддена.

– В горах, – коротко ответил тот.

Когда солнце почти поднялось к зениту, машина, хрипло урча мотором, прошла перевал святителя Рисса, над которым ветер не успевал рвать дымы тяжелых тягачей, тянущих на юг прицепы с огромными, в два охвата, бревнами. Внизу появились шпили и крыши древней сторожевой крепости, а вдоль дороги Инго увидел множество таверн, крохотных гостиниц и ремонтных мастерских. Тут же торговали углем, торчали серебристые колонки газовой станции, возле которой стоял на разгрузке длинный фургон, загруженный бочками смазочных масел.

Дорога стала шире, и Хадден прибавил ходу. Судя по состоянию покрытия, переделывали ее совсем недавно – местные власти не жалели денег на развитие транспортных артерий, ведь от этого напрямую зависело их собственное благополучие. За большим озером Хадден притормозил – впереди была развилка – и уверенно свернул налево. Широкая трасса уходила все дальше на север, в край синих лесов и медных шахт, а к западу вела неровная узкая дорожка, на которой едва смогли бы разъехаться два больших грузовика. Слева стоял лес, а справа, в голубоватых долинах, там и сям темнели фермерские усадьбы, окруженные полями, часто забирающимися на склон ближайшей горы. На лугах паслись овцы, из труб деревянных пастушеских хижин тянулись дымки. Лес вдруг закончился, впереди блеснула быстрая горная река, на обоих берегах которой стоял городок: пара храмовых шпилей, узкие улочки и правее – белые железные крыши недавно возведенных складов. Хадден проехал каменный мост, сразу взял вправо, вдоль берега, и выскочил на старую, мощенную истертой плиткой дорожку.

– Почти приехали, – сказал он.

Несколько знакомых с детства ферм, поля, тропинки, пара силосных башен, мельница на ручье, и вот уже там, за поворотом, – красная черепица на крыше просторного дедовского дома... «Хусс» затормозил у деревянных ворот, покрытых светло-коричневой краской, капитан потянул ручной тормоз и вышел из машины.

За воротами загремело, обе створки одновременно двинулись в стороны, а из распахнувшейся калитки вышла крупная светловолосая женщина в шерстяном платье с шитым воротом.

– Ну, привет, бегун, – сказала она и притянула Хаддена к себе. – Мы не думали, что вы доберетесь так быстро. С утра стоял туман... перевал чист?

– Перевал чист, – ответил Джеш, вырвавшись из объятий сестры. – Так что же, обед не готов?

– Харик строго велел всем ждать вашего прибытия, так что мы еще и не садились.

– Харик велел... – засмеялся Хадден. – Ну да!

Он загнал машину на просторный двор, помахал рукой двум слугам, что возились с воротами, и шагнул навстречу высокому, очень худому мужчине с длинными волосами, спадавшими на плечи домашней куртки. Доктор Харик сперва поклонился, а потом с улыбкой протянул гостю обе руки:

– Хвала богам, господин Джеш. Я точно знал, что вы приедете к обеду, хотя Глидда уверяла всех, что раньше вечера беспокоиться не стоит.

– Познакомьтесь с моим другом, господин Харик: господин Инго из Майли. Сейчас мы служим одному хозяину, так что и дела у нас общие.

Инго вежливо раскланялся перед доктором, потом повернулся к Глидде и опустил голову, прижав в южной традиции руку к сердцу. Хадден довольно хмыкнул: он был уверен, что сейчас в речи принца прорежется характерный акцент южанина.

– Обедать, обедать! – властно распорядилась Глидда. – Умыться можно на первом этаже, господин Инго, вода нагрета.

Как всегда к его приезду, сестрица расстаралась на славу – кухарка, видно, поднялась до рассвета. Суп из древесных грибов, пара гусей, соленья, пироги, а уж вина служанки принесли целую корзину.

– Дорога была нелегкой, – назидательно говорила Глидда, отрезая для Инго гусиную грудку, – так что и не думайте отказываться. У нас тут, на Севере, принято изрядно наедаться впрок, а то кто знает, когда еще удастся закусить как следует!

– И потом к пятидесяти годам мучиться желудком, – усмехнулся доктор Харик, подмигивая Хаддену. – Все здешние обжоры так и норовят записаться ко мне в пациенты.

– Это уж ты, скорее, норовишь объявить больными вполне здоровых людей! – фыркнула Глидда.

– Отнюдь, народ здесь вполне здоровый, совсем не то, что в промышленных городах. Впрочем, на отсутствие практики я не жалуясь...

– Да он уже забыл вообще обо всем, кроме своих больных, – снова встала женщина. – Так вот мы и живем, господин Инго, братец мой за морями болтается, а муженек день и ночь возится с пациентами. А хозяйство, скажу я вам, не такое уж и маленькое. Одних арендаторов шесть ферм, да и сами на земле работаем...

– А-ай, – Харик со вздохом закатил глаза и налил гостям густого темного вина, – ты, Глидда, вышла замуж за лекаря, а лекарь повинен как людям, так и богам до самой своей смерти, ибо для того ему дано искусство исцеления. Н-да... А вы, Джеш, теперь что же – снова за море?

– Трудно сказать, – нахмурился Хадден. – Наш хозяин ведет дела как за морями, так и в самой Пеллии. Интересы его обширны. Думаю, что к прежним своим трудам я уже не вернусь.

– Вот даже как?

– Именно. Да мне и самому уже до смерти надоело служить всяким дикарям, тем более что никаких заметных денег эта служба мне так и не принесла.

– То есть ты думаешь, что зацепился надолго? – спросила Глидда, зорко смотревшая за тем, чтобы тарелка Инго не пустовала.

– Надеюсь. Плата хороша, но не в ней суть. Новая служба открывает большие возможности.

– Ваш хозяин занимается торговлей?

– Он имеет интересы и в торговле, и в промышленности, но помимо этого он также блюдет интересы Трона...

При этих словах Хаддена Инго поперхнулся и скорее схватился за бокал. Хадден видел, что юноша немного стесняется, но вино должно было быстро помочь ему освоиться.

А на Глидду слова Хаддена произвели большое впечатление. Заслышав про Трон, она прикрыла рот ладонью, как простая селянка. Разумеется, Глидда понимала, что изгибы судьбы способны забросить ее брата в самые неожиданные места, но «интересы Трона»! – нет, для нее это было слишком. Она чуть испуганно посмотрела на Инго и поспешила подлить ему вина.

– Значит, теперь тебе часто придется бывать в столице?

– Сейчас я там и остановился, но это на время. Обзаводиться каким-то постоянным жильем я пока не планирую. Видишь ли, господин Инго – ученый, историк и финансист, но меня-то никто не избавляет от обязанностей телохранителя.

– Вы изволили учиться в королевском университете? – Невозмутимый Харик положил вилку на тарелку и с любопытством глянул на принца.

– Да, на историческом факультете, – с готовностью ответил тот. – Попутно я изучал основы права, чтобы со временем заняться банковским делом. Вы же знаете Пеллию: не будь ты знатоком закона, в банки тебе дорога закрыта.

– М-мм, это точно, – кивнул доктор. – Впрочем, что мы все о делах! Эта тема надоела мне до смерти – к кому ни придешь, только и слышно, что налоги да проценты!.. Я не против развития торговли, я даже готов закрыть глаза на эти ужасные чадящие заводы и силовые станции – электричество действительно изменило всю нашу жизнь, но все-таки иногда мне кажется, что в последние двадцать лет Пеллия сошла с ума окончательно. Сегодняшние фермеры отправляют своих детей учиться в города – это тоже, наверное, неплохо, но ведь отучившись, они уже не рвутся в родные места, норовя остаться где-то там, на равнинах.

– Что ж тут поделать? – засмеялся в ответ Хадден. – Время ускорилося, старина. Или вы хотите, чтобы мы остались такими же олухами, как заморские дикари? Хвала богам, Пеллию населяют весьма предприимчивые люди.

Он не договорил: в залу вбежала молодая девушка и с порога бросилась к доктору:

– Ой, ваша милость, там от Бринков приехали: госпожа Лонна рожать надумала, уж воды отошли!

– Ах-х, да что ж она до срока!

Харик вскочил с места, бросил на стол салфетку и, едва кивнув гостям, умчался прочь. Через минуту со двора раздались возбужденные голоса, а потом заскрипела отъезжающая повозка.

– И так он всегда, – сокрушенно покачала головой Глидда. – Что за человек!

– Человек, верный своему долгу, – поджал губы Хадден. – Окрестные селяне должны благодарить богов, что у них такой подвижник доктор.

Он посмотрел на Инго и увидел, что тот вот-вот задремлет: ранний подъем был слишком непривычен для принца.

– Моему другу пора передохнуть, – тихонько сказал он сестре. – Не всем же быть солдатами...

Инго поднял на него глаза и благодарно кивнул.

– Ваш братец прав, госпожа моя. Долгое путешествие и впрямь утомило меня. Сказать по совести, если меня ждет столь же вкусный ужин, то нужно время переварить все то, что я успел поглотить. Спасибо вам за ваши труды.

– Отдыхайте, сколько вам заблагорассудится! Без гостей у нас ужинать не садятся! – воскликнула Глидда. – Вейра, Мони, отведите молодого господина в его комнату и не забудьте поставить рядом с кроватью кувшинчик фруктового отвара! С дороги мужчин всегда мучает жажда!

Служанки увели разморенного принца, и брат с сестрой остались вдвоем. Глидда вздохнула, оправляя подол платья, потом подлила Хаддену вина.

– Ты немного постарел, – сказала она.

– Немного... – Он глотнул, поставил на стол бокал. – Что уж там...

– Если б ты вернулся домой... Так было бы лучше для всех.

– Все может быть, сестрица. Но не сейчас, это уж точно. Я вижу, тебе не терпится узнать, зачем я приехал? Мне нужно кое-что из старого наследства.

– Что?! – Глидда резко нахмурилась и положила руки на стол, сжав помимо воли кулаки. – Это ты еще о чем?

– Не волнуйся, речь идет не о золоте или побрякушках... да и вообще – когда это я просил у тебя денег?

– Я не говорила о деньгах, – быстро возразила Глидда. – Тем более что по закону все в этом доме принадлежит тебе. И вообще мы сейчас прилично зарабатываем, былые беды, считай, в прошлом.

– Я знаю, – с улыбкой качнул головой Хадден. – Потому и говорю тебе – это вовсе не золото.

– Так ты собрался жениться? Хвала богам! Любые реликвии, необходимые для этого дела, всегда в твоём распоряжении.

– И снова нет.

– Тогда что же, Джеш?

– Бумаги старого Арвела – альбомы, дневники и походные записи, те, что лежат на чердаке над моей старой комнатой. В зеленом сундуке, помнишь?

Глава 2

– Торг закончится завтра, как, впрочем, и предполагалось.

Крупный мужчина с седыми волосами, свободно падающими на обтянутые серой шерстяной тканью плечи, улыбнулся и отвинтил пробку фляги. Фляга была деревянной, с обтяжкой тонкими серебряными обручами, а вмещала она в себя ой как немало, так что носить ее приходилось на широком кожаном ремне, также украшенном серебряными колечками.

– Все как обычно, дорогой Аттамах, все как всегда.

– Судя по вашим глазам, Маттер, вы получили кой-какой барыш от договоренностей с людьми из Ваджры? Я знаю вас уже двадцать лет, но не устаю удивляться вашей предприимчивости. Прилетать на Торг и тут же вертеть собственные негодии – это надо уметь...

Аттамах улыбнулся и протянул Маттеру кожаный стакан, из которого пахло остро-сладкими пряностями. Князь с благодарностью принял угощение, сделал небольшой глоток, прикрыл в блаженстве глаза.

– Если б вы взяли на себя труд наладить поставки этого невероятного напитка на имя моих агентов, клянусь, вам не пришлось бы более думать о деньгах!

– Для того чтобы получить один бочонок такого вина, нужно сорвать несколько тысяч крохотных цветков, которые растут высоко в горах, там, где воздух разрежен и ни один сборщик не может работать больше двух часов кряду. А что до денег, я и так не очень о них забочусь.

– Вы живете в прошлом, господин Аттамах.

– Меня не переделать.

Седовласый Аттамах забросил ремень своей увесистой фляги на плечо и неторопливо побрел вверх по склону зеленого холма. Горячий ветер развеивал полы его грубого серого плаща. Глядя в спину старика, Маттер поймал себя на мысли, что тот похож на усталого паломника, возвращающегося с молебна. Он знал этого человека почти с далекой своей юности, и всегда Аттамах готов был прийти на помощь в любой сложной ситуации. Сейчас Маттеру снова требовался его совет, и князь раздумывал над тем, как подобрать нужные слова, уж больно щекотливым выходило это дело.

Дойдя до небольшой площадки, на которой росло узловатое, сильно искривленное дерево, вытянувшее свои ветви к востоку, Аттамах достал из-под плаща сверток мягкой кожи, развернул, набросил на гладкий серый камень в тени и устало сел. Маттер, все еще поднимающийся по едва заметной тропе, остановился, глядя, как седой старик неторопливо откручивает пробку фляги.

– Поднимайтесь! – крикнул Аттамах. – Здесь можно говорить спокойно, не терзаясь проклятой жарой.

– Я думаю, будет шторм! – ответил снизу Маттер.

Он присел на траву у ног старика, набил трубку, но закуривать не стал, вертел в руках золотой цилиндрок газовой зажигалки. Аттамах, не глядя на князя, очень аккуратно наполнил своим удивительным вином два кожаных стакана и поставил их на край камня.

– Нынче вы немногословны, Маттер, – заметил он. – Что гнетет вас, старый друг? Вы хотите говорить, но не доверяете самому себе?

– Я не знаю с чего начать, господин мой, – вздохнул князь.

– Ой, бросьте. Я помню вас еще мальчишкой, и уже тогда в ваших глазах я видел огромную решимость... Глаза человека говорят о многом, Маттер.

– Для тех, кто умеет в них читать, о наставник... Что же до моего дела: видите ли, совсем недавно я случайно столкнулся с одной из неприятных историй, случившейся несколько тысячелетий назад. История эта из тех, о которых пока незачем знать простым людям.

– То, чего я стараюсь избегать, – со вздохом кивнул Аттамах. – Но я – это я, а вас Нити Судеб ведут по дорогам непознанного: так предписано свыше, и сделать тут ничего нельзя. Поделитесь со мной своей тревогой, уверен, вместе мы найдем начало пути. А дальше вы, как всегда, пойдете сами.

– В то столетие, когда на нашей планете орудовали Ловчие, на одном из островов Пенного Клыка произошла битва, способная вызвать изумление даже у многих знающих. Я имею неоспоримые доказательства того, что здесь сражалась одна из Карающих Матерей. И более того, – Маттер прерывисто вздохнул, – там, на острове Тар, пали ее роботы-монки, а сама она, не имея возможности покинуть планету, отправилась в странствия, чтобы впоследствии стать одной из богинь пеллийского сонма.

Аттамах изумленно распахнул глаза и посмотрел на Маттера; князь увидел, как заиграли желваки.

– Я слышал, что Карающие Матери имеют силу до сих пор, – очень тихо произнес он, – и хорошо, что далеко, очень далеко отсюда.

– Это еще не все, о наставник. В нашем мире появился некто, крайне интересующийся этой мрачной историей. И он, насколько я понимаю, обладает ресурсами для того, чтобы прояснить какие-то ее детали. Какие именно – мне пока неизвестно, но ясно, что его действия могут перевернуть многое.

– И вы предполагаете, что этот «некто» – не человек?

– Вы, как всегда, правы, господин мой. Мне нечем подтвердить мои подозрения, однако и забыть о них я не могу. Я пеллиец и я Посредник – сейчас это ужасное сочетание. На Таре находится могильник, в котором захоронены поврежденные монки Карающей Матери. Могильник почти полностью разрушен, и добраться до нижних ярусов без тяжелой техники невыносимо, там пришлось бы рыть гору... Однако я уверен, что дело это будет иметь продолжение, и возможен большой шум, последствия которого могут завести нас далеко. Этот «некто» ищет ее имя и ради этого имени готов на многое.

– Имя?! – скривился Аттамах. – Имя Карающей Матери?

– Да, имя той, что опустилась на остров Тар, чтобы убить группу Ловчих, которые исследовали его недра. Мы с вами не можем знать, что ему в имени наемной убийцы, но, по всей видимости, дело это очень серьезное. Те, кого он послал на Тар, искали именно имя Карающей, упрятанное где-то в древнем подземелье. Выжили они или нет, мне неизвестно, я не имел времени выяснить это, хотя предполагать сейчас могу что угодно. Гора рухнула в результате взрыва, его посланники оказались завалены, однако я не имею понятия, что находится внизу, в лабиринте давно заброшенной шахты.

Аттамах покачал головой. На лбу его появились морщины тяжкого раздумья, глаза прищурились.

– Тысячелетия для нас – вовсе не то, что для других, – медленно произнес он. – Мы живем сегодняшним днем, совершенно не думая о будущем, а для кого-то будущее определяется событиями, которые могли произойти целые эпохи тому назад. Нам кажется, что прошлого нет, а оно, наоборот, определяет те самые Нити, уйти от которых не дано никому. Имя Карающей может нести в себе информацию, за которую кто-то готов отдать многое. И оно же способно завязать в узел Нить нашего мира, а возможно, даже и порвать ее до срока. Вы правильно сделали, обратившись ко мне, князь Маттер. Как вы знаете, Смотритель Торга у нас – старый Итто, а он всегда дружелюбен с представителями нашей расы, и не только как гость на этой планете, а как разумный, помнящий о величии наших далеких предков. Идемте в лагерь, думается мне, он должен знать обо всем этом.

Теперь пришел черед удивляться Маттеру. Господин Итто, представитель огромной Империи Виртай, редко являлся на Торг, и почти всегда его присутствие обозначалось лишь краткой речью во время церемонии открытия – все остальное время он проводил в своем

шатре, куда иногда приходили торговцы. Маттер знал его лишь постольку-поскольку, так откуда же было знать его Аттамаху?

– Мы познакомились с ним очень давно, – пояснил старик, глянув на князя. – Так давно, что и вспомнить об этом бывает странно. В те времена он очень интересовался нашей культурой и не пропускал ни единого Торга. Он часто просил достать ему старые книги, разных стран и разных эпох. Потом его жизнь сильно изменилась, но поверьте, Итто остается нашим верным и преданным другом. Он поможет.

Маттер согласно кивнул. Аттамах смотал свое кожаное покрывало, снова сунул его куда-то под плащ, и они быстро зашагали вниз по склону горы. Лагерь Торга находился правее, за рощицей низкорослых деревьев с удлинненными бронзоватыми листьями. Остров Банлун-Дарран, на котором часто происходил Торг, был необитаем. Пятьдесят лет назад извержение подводного вулкана смыло часть берега, уничтожив поселки нищих рыбаков, и владыка архипелага Урран, куда входил несчастный островок, не желая более слышать стоны своих подданных, наложил на все три острова Банлун жесточайшее табу. С тех самых пор к Банлун-Даррану не подходило ни одно судно, что и сделало его местом, удобным для Торгов.

– В очень скором времени, когда людей на планете станет больше, а техника – мощнее, мы еще наплачемся со всеми этими древними тайнами, – произнес Аттамах, шагая с Маттером через рощу. – Я-то этого уже не увижу, а вот следующим поколениям придется решать множество интересных задачек. Эта планета была чьей-то колонией... переходила из рук в руки, – он поднял правую ладонь и выразительно потер указательным пальцем о большой, – да хуже того, тут шли войны! И следы всего этого – в толще гор, глубоко под водой, или же просто на поверхности, в диких джунглях Континента Заката.

– Я много думал о решении наших предков, которым так надоело жить, что они добровольно согласилась уйти из Пространства, – проворчал Маттер, пыхтя трубкой, – и не смог найти ни одного ответа на множество мучивших меня вопросов.

– О, это область философии, друг мой. Впрочем, мы говорили с вами об этом, и я считаю, что нет ничего страшнее ожидания... особенно когда впереди все та же неопределенность!

Перед ними показались серо-коричневые надувные шатры. На этот Торг прибыли представители пяти рас из разных районов Галактики. Сделки заключались немалые, и все участники Торга, как понял Маттер, остались довольны собой. Для Смотрителя в этот раз работы не было вовсе – переговоры прошли гладко, так что торговый судья не понадобился. Традиция эта была давней, теряясь во мгле тысячелетий: но вот включение в нее потомков некогда великой расы, называвшей себя Человечеством, оказалось сперва случайностью, а потом признаком уважения. Маттер знал, что для людей теперь все серьезно... И как только первые звездные корабли, созданные ими, достигнут ближайших центров Разума, люди вернутся в великий круг созидания и обмена знаниями.

По дороге к лиловому шатру господина Итто Аттамах остановился и взмахнул рукой. Из-за гладкого пластикового короба энергоустановки, питающей временный лагерь, вдруг вынырнул миниатюрный мэнор в зеленой одежде с десятком карманов, радостно схватил ладонь старика, и тот поднял его на руки, как ребенка. Теперь Маттер разглядел, что мэнор – молодая девушка.

– Не вы ли дочь господина Кэноэ? – спросил он, улыбаясь. – Насколько я знаю, вы прибыли сюда в качестве ученика вместо вашего батюшки?

Юная мэнор конфузливо кивнула, спрыгнула на землю и коснулась ладошкой переводящего аппарата у себя на груди.

– Я счастлива видеть вас, Посредник Маттер. Отец велел передать вам привет, если я встречу вас, но во время моего первого Торга вы были так заняты... Меня зовут Влира, и я всегда к услугам вашей милости.

– Я рад нашему знакомству, госпожа Влира. Вы всегда можете располагать мной, как вам заблагорассудится, ведь с вашим отцом нас связывает многолетняя дружба.

– Если так, у меня есть просьба лично к вам, господин Маттер. Я изучаю историю, и я... я очень хочу прилететь на вашу планету. Личные средства позволяют мне это, но без вашей помощи мне рассчитывать не на что. Я уже даже начала изучать пеллийский язык, вот только книг мало...

– Вот так дела! – поднял брови Маттер. – Что ж, это трудно, но все же я могу устроить вам такую экскурсию. Вам известно, как связаться со мной, – будете готовы, так дайте знать!

– Ну и ну, – пробормотал Аттамах, когда Влира снова юркнула куда-то в сторону от песчаной дорожки, – действительно, времена меняются. И как вы думаете держать свое слово, Маттер?

– Это незаконно, но для меня возможно многое, – ухмыльнулся князь. – Она ведь знала, к кому обращаться: Кэноэ был первым мэнором, которого я видел в жизни, и вообще сыграл огромную роль в моей судьбе.

– А! Кажется, я вспомнил. Так это Кэноэ возил вас в той истории, когда вы прикончили Джардеша и вступили в права Посредника?

– Именно он. Давно же это было!.. Смотрителем от Контроля был тогда Ол-Оолни, а он всегда помнил свой долг. Дело не затянулось, вот потом уже мне стало трудно.

Аттамах остановился возле полукруглого входа в шатер Смотрителя, закрытого сейчас радужной пеленой силового поля. Едва он поднял руку, над головами гостей возникли две крохотные бусинки, беззвучно совершившие в воздухе двойную петлю, – такова была стража господина Итто. Когда роботы исчезли, раздался приятный мелодичный звон и поле упало, открывая дверь. Аттамах вошел в шатер первым.

Виртайцы дышали той же газовой смесью, что и люди, так что представитель Контроля обходился без скафандра. Эволюционный путь его расы был также схож с человеческим – собственно, господин Итто весьма походил на человека, за исключением блекло-оранжевой кожи и странного не то меха, не то перьевого покрова на голове. Большие овальные глаза чуть светились в приглушенном освещении шатра, а заостренные уши имели по три черные полоски. При виде гостей Итто встал с бесформенного мягкого мешка, заменявшего ему кресло, и радостно протянул вперед обе руки с длинными четырехпальными кистями:

– Воистину этот остров благоволит ко мне! Мои юные помощники, присланные Лигой, отправились ловить рыбу – на Торге парни трудились столь усердно, что я не мог им отказать в этой забаве, – а теперь я, одинокий старик, должен сидеть тут, погруженный в свои никому не нужные размышления! Хотя, наверное, это все к лучшему: сыновья говорят, что теперь я могу заболтать кого угодно, а это не всем нравится. Садитесь, друзья мои, дела закончены, а вина у меня хоть залейся! Ничто не помешает нам напиться допьяна и потом отправиться на берег любоваться закатом.

– Позвольте мне помочь вам, дорогой Итто, – Маттер прижал руку к сердцу и улыбнулся, – ведь я здесь самый молодой.

– О-оо, ну да и вы уже не мальчишка! Садитесь, князь, мне нравится подавать гостям своими руками.

С этими словами виртаец подошел к белому то ли шкафу, то ли ящику под окном, звонко щелкнул пальцами, и в пластике распахнулась дверца, из которой выплыл небольшой столик, ножки его разъехались в процессе движения, а столик ловко опустился перед креслами-мешками, на которых сидели гости. Итто пошевелил пальцами. Теперь из белого шкафа выдвинулся поднос с плоскими тарелками, на которых лежали кусочки каких-то овощей и тонкие чашечки с маринованной рыбой. За ними потянулись овальные блюда с ломтиками мяса, горками ярких разноцветных шариков и нечто, похожее на желтые стручки. Тарелки Итто акку-

ратно расставлял на столике. Закончив, он нырнул под свой низкий рабочий стол и достал корзинку с винами, произведенными явно на этой планете.

– Подарок господина Билласа, – сказал он. – Жаль, он уплыл сегодня утром, и мы так и не нашли время поговорить о поэзии в его родной Галотте.

– Билласу плыть домой почти месяц, – улыбнулся Маттер, – с учетом течений в этом сезоне.

– Да-да, – кивнул Итто и с легкостью перекинул свое бесформенное кресло через стол. – Это вам хорошо, Маттер, мало того что вы живете в самой развитой стране этого мира, так еще и сами стремитесь к прогрессу. Биллас вряд ли сможет построить такой воздушный корабль, как ваш «Даамир». Я ведь знаю, как вам помогали в его проектировании! Но если б не ваша неумная живость ума, никакая помощь не дала бы результата.

Итто разлил вино по выпуклым желтым чашкам, поднял приветственно руку и выпил свою порцию одним глотком.

– Поэты говорят, что пить в одиночестве – проще простого, – заявил он. – Не знаю, я так и не смог этому научиться. Впрочем, в мои годы говорить о какой-либо учебе уже трудновато. В этом смысле я готов даже завидовать таким, как вы, Маттер. Вы, кажется, способны впитывать любые знания, не думая о грузе прожитого.

– Я отчаянно пытаюсь компенсировать нехватку систематического образования, ваша милость, – улыбнулся Маттер. – Если бы мне повезло учиться где-нибудь в ваших мирах, я, может быть, не выказывал такого любопытства.

– Нет-нет, вы были бы таким же точно, я знаю, о чем говорю. У вас кровь отчаянного исследователя, такие, как вы, открывали дорогу к звездам, не боясь оставить свои кости в ледяной мгле. Таких было много – и у нас, и у вас. Каждая раса имеет свой путь и своих безумцев, этот путь открывающих. Некоторые безумны более, иные менее и предпочитают плыть медленным потоком. От чего это зависит? Теоретики-эволюционисты спорят об этом миллионы лет, да толку что-то мало. Я не знаю... Скоро я отойду от дел, и вы меня уже не увидите, а мне жаль, друзья, ведь часто мне кажется, что я мог бы сделать для вас гораздо больше.

– По дороге мы встретили юную Влиру, дочь Кэноэ, – Маттер улыбнулся и поддел двузубой вилкой кусочек мяса, – и она, вдумайтесь только, мечтает прилететь на эту планету с частным визитом!

– Ну, – скривил узкий рот Итто, – могу сказать, что Контроль ей это запретить, конечно, может, но если за дело возьмется такой человек, как вы, то претензий быть не должно. Вы же знаете правила ограничений: никто не должен никого видеть и, главное – никакой деятельности. Смотреть, пожалуй, можно, однако визит такого рода должен остаться без последствий. Это вы, я думаю, способны гарантировать твердо...

– Визиты бывают разные, – с деланой задумчивостью произнес Маттер. – Нет, я не о Влире... Нашу планету посещали представители разных рас – и уже в те времена, когда она была приобретена представителями нашей – с соответствующим комплексом запретов, как вы понимаете.

Вилка в руке Смотрителя остановилась, и он поднял на князя свои ослепительно-желтые глаза:

– В истории этого мира случалось многое, но для Контроля все эти факты уже не имеют особого значения.

– Для Контроля – да, – согласился Маттер, смакуя насыщенное пряностями галоттское вино, – но для моей Пеллии – еще как. Например, последствия пребывания Ловчих...

Итто задумчиво прожевал рыбу, запил ее полной чашкой вина и откупорил новую бутылку.

– Вам нужно было служить Виртайской Торговой Лиге, господин Маттер, – проворчал он, – и я жалею, что мы потеряли такого сотрудника. Говорите... Можете заранее считать, что я на вашей стороне, так что не стесняйтесь. Если сболтнете лишнего, я ведь все равно не пойду на вас жаловаться, верно? И пить тоже не бойтесь, я сегодня в настроении, так что вам нужно пользоваться этим обстоятельством.

– Вопрос – куда жаловаться? – комично закатил глаза Маттер. – С учетом того, что глава Серебряного Покоя – мой друг с юношеских лет.

– Вот именно, – прищурился Итто. – Ладно, Маттер. Я начну сам. Ловчие, говорите? Вы не сможете произнести самоназвание их расы, они очень своеобразно использовали гласные, и вообще у них по-другому устроен речевой аппарат, так что пусть они останутся для вас именно Ловчими. Раса, не пожелавшая войти в торговую систему нашего сектора Галактики, а потом и вовсе замкнувшаяся в себе. Последние полторы тысячи лет о них мало слышно. Когда-то они пытались создавать сложные биомеханические системы и вели исследования на многих планетах, в том числе тех, что никак не годятся для нас с вами. Насколько мне известно, путь этот закончился для них тупиком. Они живы, но, если вы попытаетесь добиться от них хоть чего-нибудь, говорю вам сразу, это бесполезно.

– Но в ту эпоху, когда их исследовательские группы бродили по нашей планете, Ловчие шли путем экспансии? – быстро спросил Маттер.

– Ловчие не были проблемой, Маттер. Вы же знаете, мы, мэноры, альвены... многие другие, можем стереть в порошок кого угодно, но если вопрос не касается ресурсов, мы и с места не сдвинемся. С нас хватит больших войн, большой крови, сгоревших планет и всего прочего. Нам это надоело. Когда на улицах ваших городов не останется нищих, вы тоже перестанете воевать. Просто, чтобы не осталось нищих, нужно научиться уважать друг друга. Путь долг... и не все могут его выбрать.

– Но тем не менее Ловчие были здесь, и вам об этом известно. Я не стану говорить о том, насколько вредны или же незаконны были их действия, – есть свидетельства, что они проводили жестокие эксперименты над людьми, – но дело в том, что они, похоже, кому-то очень и очень мешали. Одна из групп Ловчих была уничтожена Карающей Матерью.

– Ривилин?!

На щеках господина Итто выступили и тут же пропали серые пятна. Быстро выпив чашку вина, он поднял на Маттера слабо светящиеся глаза с расширившимися зрачками:

– Раз вы говорите об этом, вы наверняка уверены в своих словах, не так ли?

– Разумеется, – пожал плечами князь. – Но это еще не все, что я хотел вам рассказать. В той битве Ловчие смогли достойно ответить, и Мать потеряла свору своих монков – вы, конечно же, знаете, о чем идет речь, – и, насколько я понимаю, уже не могла оставить планету. Ее сопровождали люди, они, по всей видимости, тоже сражались на ее стороне... С этими людьми убийца отправилась куда-то на Север, на острова, позже ставшие пеллийским Югом, и там умерла. А следовавшие за ней адепты провозгласили ее богиней. Довольно зловещей богиней, кстати. Пеллийские боги, как правило, добры и сострадательны, тогда как Секех – так ее прозвали – склонна скорее карать, нежели миловать. Недавно дела мои сложились так, что мне пришлось оказаться лицом к лицу с наиболее древним изваянием этой богини, и я был поражен до глубины души. Слушайте меня, господин Итто, мне кажется, дело это касается не только меня!..

И Маттер подробно, не упуская ни одной важной детали, рассказал Смотрителю Торга о Даглане и вообще обо всех событиях той ночи, когда он чуть не погиб в подземелье на острове Тар. Единственное, о чем князь почел за благо умолчать, был странный треугольник, который он увидел в последние секунды перед тем, как рухнуть в шахту под каменным креслом. Он сам не знал, почему ему не хотелось говорить об этом, в глубине подсознания ускоренился какой-

то страх, давящий и властно требующий забыть увиденное. Логического объяснения этот страх не имел, но избавиться от него не удавалось.

Итто выслушал своего гостя без всяких эмоций. Когда Маттер наконец закончил, он снова наполнил чашки вином и коротко вздохнул:

– О проклятых ривилин долго ничего не было слышно. Да и сейчас я не стал бы волноваться из-за всей этой истории, однако... – Он сделал паузу, размышляя о чем-то, потом продолжил каким-то скрежещущим голосом: – Несколько ваших лет тому назад в одном из отдаленных районов этого сектора промелькнула информация о появлении некоего «молодого» клана ривилин, готового братья за самые гнусные дела. И сразу вслед за этим произошло несколько катастроф, расследовать которые не получилось. Кратко: трех Карающих Матерей удалось выследить и уложить. Взять их живьем не брался ни один из специалистов в области безопасности, так что Лига была согласна и на такой стиль в работе. Остальные исчезли, но вот что интересно, Маттер, по давним каналам прошла информация, будто бы этот молодой клан нелегитимен среди своих же. Почему? Никто не знает. Однако... однако Лига имеет данные об очень странных умерщвлениях на окраинах, и конца этому пока не видно.

– Мне совершенно непонятно, кто может осмелиться бросить вызов Виртайской Лиге, – искренне изумился Маттер. – Вы и ваши ближайшие союзники обладаете такими средствами, что угрожать вам может только откровенный псих.

– Это не вызов, – быстро перебил его Итто и провел рукой по воздуху, будто отсекая что-то. – Даже все ривилин, вместе взятые, неспособны составить для нас угрозы. Это работа, но работа грязная, и терпеть все это не хотелось бы... Свободный обмен знаниями и товарами – основа всего, Маттер, но при этом, как вы знаете, всегда находятся те, кто не в состоянии выдержать честной конкуренции и готов поддаться соблазну. Когда-то Карающие Матери несли хаос, в какой-то момент напряжение стало неприемлемым, и они были наказаны. Похоже, что кому-то наказания оказалось мало. Сам факт того, что на вашей планете может находиться некто, кому путь сюда заказан, ничего не значит. Контроль не станет гоняться за каждым авантюристом. Но вот если он готов тратить ресурсы на исследование старого и никому не известного эпизода, тут уже все серьезно. Я не имею представления о том, что может означать имя наемницы, которая стала потом вашей Секех, но постараюсь закрыть этот пробел в ближайшее время. Завтра утром я пошлю за вами, Маттер, и, быть может, смогу найти хоть какие-то ответы на все эти вопросы.

* * *

Утро, обещанное господином Итто, наступило для Маттера немного раньше, чем он предполагал.

«Даамир» стоял на шести якорях в подковообразной долине, хорошо защищенной от ветра, и до лагеря было всего три с половиной лона. Лучи солнца проникали в каюту командира часа через два после восхода, а до их появления он предпочитал спать. Маленький архипелаг Урран находился в южной части великого океана, называемого пеллийцами Океаном Запада, и благодаря могучим экваториальным течениям здесь царила практически вечная весна. Маттер, привыкший спать урывками из-за вахт и вечного холода больших высот, не упускал возможности понежиться в постели подольше, ведь совсем скоро его снова ждала высота шестидесятичасового перехода до пеллийской столицы. Идти над океаном низко не было никакой возможности, потому что даже в летнее затишье окна штормов возникали то тут, то там, и предугадать их появление не мог ни один человек.

Серый свет только пробился сквозь иллюминаторы спальни, когда в дверь каюты требовательно постучали. Маттер немедленно вскинулся на постели, машинально бросил взгляд на большой хронометр, висящий прямо перед глазами на переборке, и гаркнул:

– Иду!

В двери стоял вахтенный рулевой Канни:

– Ваша милость, командир, перед рубкой висит посыльный механизм и высвечивает текст: «Господин Итто ждет Посредника Маттера для совещания по известному ему вопросу». Прикажете поднять господина Эрмона?

– Нет, – боднул головой князь. – Отбейте три длинных красным фонарем, что я готов, и пусть мне бросят лестницу.

Он наскоро ополоснул лицо под краном, причесался, впрыгнул в кожаные штаны и сапоги и помчался к ходовой рубке, на бегу вдевая руки в рукава легкой шелковой рубашки. Следом бежал давно поднявшийся Васко со шляпой, сумкой и желтым шейным платком.

Прямо перед гнутыми лобовыми стеклами торчал довольно большой – с хорошую свинью размером – белый яйцевидный робот, над которым висели зеленые буквы уже известного Маттеру послания. Несмотря на поданный с борта корабля сигнал, он пока не уходил, и князь быстро понял почему.

– Господин Итто соизволил прислать за мной транспорт, – сказал он, надевая куртку. – Как там и что – не важно, но через два часа господину Эрмону следует быть в лагере, сегодня закрывается Торг. Васко, как обычно, пойдет с ним.

Аварийный люк в полу рубки был уже открыт. Маттер скатился по легкой серебристой лесенке, спрыгнул в траву и встал, подняв руки. Робот-посыльный тут же опустился вниз, замер сбоку от князя и бесшумно удлинился, а в носовой его части выросли небольшие «рожки», за которые следовало держаться руками. Маттер забрался в «седло», оказавшееся довольно мягким, взялся за рукоятки и коротко скомандовал:

– Готов, вперед!

«Путь окажется добр», – возникла и исчезла зеленая надпись перед глазами князя.

Жалея пассажира, робот разогнался медленно. Когда голубовато-зеленые склоны холмов остались позади, «поросенок» здорово прибавил ходу, и князю пришлось как следует ухватиться за шершавые рукоятки на его «голове». Управлять машиной он, разумеется, не мог, но прекрасно знал, что робот никогда не подвергнет его жизнь хоть какой-то опасности. Итто хорошо понимал, что делает. Человеку, не имеющему опыта воздухоплатателя, он никогда не прислал бы такого посыльного. Прежде Маттеру не приходилось сталкиваться с такого рода техникой, и сейчас, глядя на быстро приближающиеся шатры, он вдруг ощутил юный азарт полета. Увы и ах, но создать нечто подобное в Пеллии было невозможно ни за какие деньги...

Робот остановился возле знакомого шатра Смотрителя, опустился почти к самой земле, чтобы князю было удобнее слезть, и прощально моргнул маленьким зеленым шаром, всплывшим и тут же растаявшим в воздухе. Оправив на себе куртку, Маттер вдруг подумал, что он не успел ласково хлопнуть своего «коня» по шее, и теперь ощущал некую незавершенность действия. Короткий полет доставил ему огромное наслаждение. Будь Маттер моложе, он непременно попросил бы Итто дать ему такую машину хотя бы на час, но только с возможностью ручного управления...

– Судя по вашей улыбке, мой помощник доставил вам определенное удовольствие. – В шатре снова не было никого, кроме Смотрителя, но низкий белый стол уже встречал гостя тарелками и кувшинами.

Итто поднялся с любимого кресла-мешка, протянул Маттеру обе руки.

– Зная вашу исключительную обязательность, дорогой князь, я взял на себя риск предположить, что завтракать вам было некогда.

Маттер чуть приподнял бровь. В ущерб традиции, Итто впервые титуловал его, и что это могло означать, он не понимал.

– Мне очень хотелось бы спроектировать подобную машину, – ответил Маттер. – Но, увы, при моей жизни это вряд ли случится.

– Да, все мы живем прискорбно недолго, – кивнул Итто и указал на стол: – Давайте завтракать. У нас есть немного времени для разговора.

Маттер уместился в пружинящем бесформенном мешке, который тут же подстроился под него, став мягким и удобным. Итто налил в чашку прозрачного напитка, растянул узкий рот в улыбке:

– Мы давно не завтракали вместе, не так ли?

– Двенадцать лет, как хорошо известно вашей милости, – вежливо ответил Маттер.

– Когда-то я был дружен с прежним князем Лотвиц-Лоер-и-Гасарпаар, – проговорил Итто, все еще держа чашку в руке, – и в молодости благодаря ему совершил довольно долгое путешествие по Пеллии.

Итто выпил, и Маттер последовал его примеру. Напиток оказался сладковатым, но в том, что он содержал привычный для него крепкий алкоголь, сомневаться не приходилось. Маттер не мог заподозрить Смотрителя в желании сподручить важного гостя, но тем не менее удивился снова.

– Князь выдал меня за представителя секты евнухов-священнослужителей из Галотты, это вызывало некоторое удивление, зато я мог свободно смотреть и выпить то, что было мне интересно, – продолжал Итто. – Хотелось бы мне знать, как вы спрячете юную Влиру?

– Что мешает мне иметь незаконнорожденного ребенка, пораженного тяжелой болезнью? – приподнял брови Маттер. – Всем известно, что я равнодушен к женщинам и редко слышу слова отказа. Признать больное дитя и взять на себя его лечение – поступок благородного человека. Что касается ее лица, так тут достаточно будет плотной вуали – хвала богам, Пеллия преуспевает в производстве самых различных тканей.

– В который раз я говорю себе, что вы, Маттер, могли бы сделать большую карьеру, – задумчиво произнес Итто. – Попробуйте вот эти красноватые листья, они очень хороши для первой утренней трапезы... маринованная рыба приготовлена вчера моими помощниками кстати, они снова в море на надувной лодке, и сделать тут я ничего не могу, эти балбесы здесь впервые и вот – потребовали выходного хотя бы до обеда.

– На какой лодке? – машинально переспросил Маттер.

– А! – Итто усмехнулся и сунул в рот комоч зеленой вермишели с кусочком рыбы. – Я расскажу вам вкратце. Нечто подобное вы уже можете сделать без особых проблем. Длинный баллон из эластичного материала, согнутый вот так, – он провел по воздуху пальцем, – и внизу приклеивается днище. А сзади обычно ставится что-то вроде, э-ээ...

– Доски, – подсказал Маттер, – на которую можно пристроить мотор. Я понял, этого достаточно. Сколько я буду должен вашей милости при массовом производстве?

– Ах, оставьте, Маттер. – Итто повернул голову в сторону, глянул в окно. – Я очень стар, это мой последний визит сюда. Мы живем примерно столько же, сколько и вы. У нас очень хорошая медицина, так что мне предстоит прожить еще несколько десятилетий, однако активные дела для меня закончены, теперь меня ждет жизнь наставника. Я богат, для меня мало невозможного, но все же это грустно. Мне нравится ваш мир, Маттер. Моя раса делала первые шаги в Пространстве, мы тогда не знали ничего о круге торговли, о сотнях окружающих нас разумных миров, когда на нас напали Кочевники Азу, и именно Содружество Хомо, без тени раздумий, отправило свои бесстрашные легионы нам на выручку. Два миллиона солдат высадились на нашей планете, два миллиона! От Азу не осталось даже праха. А потом Хомо ушли, не потребовав никакой платы за свою помощь, они считали ее всего лишь долгом. Отдавать этот долг некому, Маттер, но благородный обязан помнить, не так ли?

– Два миллиона солдат, – повторил, не веря своим ушам, Маттер. – Как же они снабжали такую огромную армаду?

– Солдаты в переходе спят, – отмахнулся Итто. – А визит был недолог, бой длился меньше часа. Вас было много, Маттер... когда-то. Сколько детей лично у вас?

– Мне некогда было думать об этом, ваша милость.

– Так подумайте, вы еще молоды. Эта планета намного больше вашего материнского мира. Множество детей – множество надежд.

Итто замолчал. Маттер увидел, что лицо его, прежде гладкое, вдруг обрело сетку морщинок вокруг рта и глаз. Он хотел сказать старому Смотрителю хоть что-нибудь ободряющее, но не мог найти слов. Итто не был человеком, кто знает, как найти для него слова сочувствия?

– Возраст оставляет мне еще немного времени, – произнес он примирительным тоном.

– Да, – коротко ответил Итто. – Но займемся делом... Я не смог найти ни одного ответа на ваш вопрос, Маттер. Через свой корабль на орбите я вышел на информаторий нашего сектора Галактики, однако даже этого оказалось мало. Об экспедициях Ловчих, орудовавших на вашей планете, информации нет, за исключением упоминания о самом факте. О какой-то из Карающих Матерей, принявшей заказ на уничтожение одной из групп Ловчих, нет вообще ничего. Вы стоите перед тьмой, Маттер.

– Эта тьма смертельна для меня, ваша милость.

– Я знаю, Маттер, не сомневайтесь в этом. Ситуация такова, что Лига вынуждена просить вас о помощи.

– Лига?!

– Именно, Маттер. Дело неслыханное, но все обстоит именно так, как я сказал. Найдите нам того, кто ищет информацию о погибшей на Таре ривилин, Карающей Матери. Найдите и останьтесь живым. Лига изумит вас своей щедростью. Я не могу сказать вам, для чего он нужен, этого пока не знает никто, есть лишь озабоченность. Есть... что-то вроде страха, Маттер. Вы обладаете отвагой, но страх ведом вам так же, как любому из тех, кто остается в живых... Вы готовы взяться за это дело?

– Увы, я уже давно в нем. К вам, ваша милость, я пришел всего лишь за советом, однако вот как все вышло... Впрочем, мой ответ был известен вам заранее.

Итто снова наполнил чашки и поднял свою.

– Пейте, Маттер. Пейте, потому что я хочу избавить вас от шока. И не пытайтесь укрыться за мимикой, я достаточно хорошо знаю людей. Корабль ваш великолепен, экипаж – лучший на планете, и ваши парни доведут его до пеллийской столицы даже в том случае, если вы будете лежать и пускать слюни... А врачи досточтимого Дерица в любой ситуации поднимут вас на ноги двумя-тремя укольчиками... Ну-ну, не смейтесь. Пеллия есть Пеллия, и Серебряный Покой – лучшая спецслужба на этой планете. Кстати, скажите мне, старику – так, между нами, – а кто ее на самом деле возглавляет, вы или все же Энгард?

– Ваша милость, – хохотнул Маттер и двумя глотками осушил обе чашки, которые успел поставить перед ним господин Итто, – при всем том ужасе, что вы успели мне внушить, должен сказать вам честно, я королевское жалованье не получаю. Вознаграждение – да, но не жалованье!

– Я приму это во внимание – кивнул Итто. – Как долго вам идти домой?

– Не менее шестидесяти часов, ваша милость.

– Тяга тела корабля достаточна? Если нужно, я могу докачать вас водородом.

– Мы не используем водород, ваша милость, он опасен. Пеллия богата минералами, из которых производится иммиум, его несущая способность меньше, но он не горюч... Более того, вы знаете, что у меня имеется легкий антиграв на соляных батареях.

– Мне хватит несколько часов, чтобы мои инженеры слепили для вас куда более мощный...

– Мне все равно потребуется много времени для установки. Конструкция корабля такова, что врезать новый объект в силовую структуру почти невозможно. Можно только выкроить место между несущими элементами. Нет, на данный момент моя проблема не в этом.

– Чем я могу помочь вам по энергетике или навигации?

– Ваша милость ищет способ обойти запрет на предоставление оружия?

– К сожалению, Маттер.

– Вы вряд ли сможете дать мне пять турбовентиляторов, готовых работать на плохо очищенном природном газе, равно как пять электромоторов большой мощности, питаемых от соляной батареи. Я рассуждаю в рамках реальности. Давайте так: у вас есть некий «абсолютный» навигатор, способный определить местонахождение по пройденному пути, с учетом ветров и постоянных изменений высоты?

– Будет через час с инструкциями на пеллийском языке. Что еще? Не стесняйтесь, аванс Лига выделила почти неограниченный. Сколько вам нужно золота? У меня его нет, но через месяц... Хрр-хмм... Дальше... боевых доспехов, приспособленных для людей, у меня на борту тоже нет. Я могу отдать вам двадцать комплектов своих, но вы не сможете в них бегать – наш материнский мир тяжелее... У меня есть два десятка комплектов хирургических роботов. Это автоматический прибор, способный быстро справиться почти с любой раной.

– Как же они будут работать с людьми? – изумился Маттер.

– Будут, – тряхнул головой Итто. – Кому-то из вас придется вытерпеть мучительный укол в позвоночник, после чего автоматика сама войдет в нужный режим, ведь мы дышим одним воздухом и едим одну пищу. Что еще, Маттер? Если потребуются генераторы боевого защитного поля – один я могу дать сейчас, но остальные придут через месяц. Это совсем не та ерунда, что у меня на входе в шатер. Пробыть его трудно.

– Боевой генератор? Такая штукавина, размером с рыбацкую шхуну? И куда я его засуну?

– У нас есть гораздо более компактные. Но на это потребуются месяц.

– Нет, я справлюсь без них. Лучше пусть мне пришлют золото в слитках. Важнее другое, нам, может быть, предстоит двигаться в джунглях. Средства для очистки воды, средства против инфекций...

– Я понял. Медик моего корабля решит этот вопрос сейчас же. И вот еще что, Маттер, через месяц я пришло к вам Влиру.

– Да помилуют меня боги! – Маттер едва не уронил налитую ему чашку. – Как я должен это понимать?

– Мы размышляли об этом полночи, используя сверхдальнюю связь, – горько вздохнул Итто. – Влира готова к выполнению этого задания.

– Но она, да спасут нас...

– Она закончила военную школу и вовсе не так юна, как вам кажется, – отрезал Итто. – Она придет на собственном корабле, оснащенном мощными информационными системами, которые будут готовы помочь вам в любом вопросе. И главное – Влира сможет пользоваться оружием, находящимся в распоряжении Лиги. Вам такое разрешение не будет дано никогда и ни при каких обстоятельствах. Согласие господина Кэноэ получено, Маттер, и он шлет вам привет. Что же, разве вы откажетесь от помощи старого друга?

– Сколько у вас этих летающих «поросят», типа того, что вы прислали за мной? – невпопад спросил Маттер.

– Штук сорок, – удивился Итто. – А зачем вам они?

– Сорок мне ни к чему, но вот два десятка хорошо бы прислать вместе со всем остальным. Их можно переделать на ручное управление?

– Можно... Влира привезет с собой довольно много оборудования – мы еще подумаем, чем вам помочь в джунглях... Ваш корабль способен взять груз?

– Разумеется, ведь основная его задача – торговые экспедиции. Грузовой отсек не так чтобы велик, но все же кое-что в него запихнуть можно.

– Вот и хорошо. Когда корабль Влиры достигнет вашей орбиты, она выйдет на связь через вот эту штуку. – Господин Итто нырнул под стол и вытащил небольшую, меньше ладони,

коробочку из темного дерева. – Инструкцию для вас я уже составил, она на обратной стороне крышки. Держите аппарат при себе и будьте внимательны...

Глава 3

После невероятно обильного ужина, приготовленного Глиддой и двумя служанками, Инго завалился спать, не дожидаясь даже второй звезды. Хадден взял два кувшина вина, круг колбасы и увел Харика на лужайку за домом – туда, где он сидел когда-то, часами глядя в тусклое северное небо. С родов доктор вернулся на удивление быстро, веселый и гордый собой. Немолодая уже мамочка выстрелила очередного сыночка, словно из пушки, так что весь клан звал его на богатый ужин, но он отказался, сославшись на прибытие старшего из Хадденов.

– Они меня еще и накормят и напоят, Джеш, – сказал он, – а вот ваши визиты для нас столь ценная редкость, что лучше мне побыть с вами. Тем более Глидда...

– О, я, в отличие от вас, знаю ее с детства, – хмыкнул Хадден, выдергивая пробку. – Если б не молельщик, наш братец, все сложилось бы совсем по-другому. Кстати, а не слышно ли было о нем в последние годы?

Харик вытащил из кармана узкий складной нож, оторвал плотный лист жабьей синюхи и ловкими движениями нарезал на нем колбасу.

– Слышно было, – мрачно отозвался он.

Закончив с колбасой, доктор отрезал пару ломтей еще теплого домашнего хлеба, придвинул голубой лист к Хаддену и полез в карман за трубкой.

– На Юг он перебрался. Денег просил, много. У Глидды такая истерика была, что я ее едва отпоил травами.

– Слушайте, Глидду я знаю, говорил же. О ней мне не надо... Что, много просил?

– Много. Очень много. Так много, что мы не смогли бы при всем желании.

– По закону он не имеет права вообще ни на что. Ни единого колоска ему тут не принадлежит. Он ушел в обитель, принял новое имя и теперь может жить только с того, что подадут ему господа молельщики.

– Помилуйте, Джеш, – с мукой в голосе заговорил Харик, – при чем тут это? Брат ваш вступил в какую-то новую секту, молятся они неистово, отказывают себе во всем, но самое жуткое – кажется, готовы убивать.

– Убивать? Харик, я всегда знал вас как человека исключительного здравомыслия и на свадьбе поздравлял свою сестру от чистого сердца, радуясь, что она наконец нашла себе достойного мужа. Что это вы? Выпили мы вроде совсем немного...

– Лекари не врут, Джеш, мы для этого слишком древняя профессия. Слишком старый цех, понимаете? Бывает, мы утешаем ложью пациентов, но это наше право, данное нам богами, в остальном же ложь для нас ужасна. Это мясник может подсунуть вам старую свинину, вымочив ее в растворе... Говорю вам, брат ваш влез не пойми куда, и чем все это закончится, я даже не представляю.

Хадден глотнул из кувшина, чиркнул зажигалкой и распалил наконец давно набитую трубку. Небо на западе окрасилось в невероятно глубокий сине-зеленый цвет, вечерняя луна висела над холмами Юга во всей своей красе темной меди.

– Мне и в голову не пришло бы заподозрить вас во лжи, – медленно проговорил Хадден, любуясь россыпью первых закатных звезд. – Но ситуация эта мне совершенно непонятна. Глидда, как я понимаю, ему отказала?

– Нет, – горько помотал головой Харик. – Она отослала ему все, что было у нас на руках. Мне плевать на деньги, Джеш, сейчас дела наши поправились, да и я стал зарабатывать очень хорошо, пациенты едут аж с перевала, но дело в том, что после первых неудачных родов Глидда стала бесплодной. У нас не будет детей, а другой жены я себе не хочу.

Хадден сильно затянулся и почувствовал, как остро кольнуло в груди. Вечерняя луна, такая родная в этих широтах, неожиданно глянула на него злым, недобрым глазом.

– Вы не говорили мне об этом, – произнес он.

– Вас слишком давно не было дома, – отозвался Харик. – Не мне винить вас, но Глидда... Ваш дом, Джеш? Что будет с домом?

– Я найду даму своего уклада, – решительно произнес Хадден. – Но это произойдет не завтра и жена моя не будет северянкой. Уд мой крепче пушки, и думаю, на пятерых-шестерых сыновей меня хватит. Но вы, Харик, что мешает вам взять хотя бы парочку детей в усыновление? На Севере это невозможно, но Столичная Марка кишит сиротами! Что, снова Глидда?

– Ваш брат, – вздохнул Харик.

– Помилуйте, в военной школе я изучал основы законодательства, да что там, при нужде я привезу вам свору столичных законников, которые быстренько объяснят, кто тут хозяин!

– Джеш, Глидда просто не хотела говорить вам. Ваш брат просил деньги со дня смерти вашего почтенного батюшки, и не просто просил, а угрожал приехать и поднять против нас здешний клир. Вся наша прошлая бедность – это не только плохие урожаи, это те тысячи и тысячи, которые мы вынуждены были отправлять ему каждый месяц. Именно поэтому мы и предохранялись от зачатия, боясь даже думать о детях, а когда решились – для Глидды, насколько я понимаю, было уже поздно. Первые роды чуть не убили ее, я сделал все, что мог, но дальше о потомстве говорить уже было нельзя. При всей живости ее характера Глидда, увы, очень слаба женским здоровьем. Здесь нет ее вины – рожать ей нужно было в юности, но сперва преградой тому был отец, не отпускавший ее от себя, а потом – брат, избравший себе путь клирика.

Хадден тяжело вздохнул и выколотил трубку о каблук. Мать он помнил плохо – огромная, неистово скандальная, она умерла, когда ему было всего десять лет, и с тех пор в доме хозяйствовала Глидда. Тихий, крохотный отец, отставной кавалерийский полковник, награжденный множеством королевских орденов, предпочитал отсиживаться в своей комнатке под куполом боковой башни, выбираясь оттуда лишь для того, чтобы раз в месяц съездить в городок за заказанными в столице книгами. Женился он на шестом десятке, исключительно в силу необходимости продолжения рода. Маленький Джеш однажды стал свидетелем безобразной сцены, когда широченная, с трудом передвигающаяся мать попыталась бить его своими громадными кулаками прямо в трапезной зале на первом этаже. Сперва отец терпел, уговаривал ее уняться, а потом, вдруг вспыхнув, прыжком отскочил к стене и сорвал с креплений длинный прямой меч одного из предков. Острие давно потемневшего клинка уперлось в громадный неподъемный живот, и только тогда мать угомонилась: все еще бормоча страшные угрозы, она потащила к себе. Мать и старший брат все время ели, это он тоже помнил достаточно отчетливо. Они вместе ели постоянно, за исключением того времени, которое братец отводил молитвам, а молился он много.

– Надеюсь, этот чокнутый ублюдок все-таки помрет от обжорства, как мамаша, – пробормотал Хадден. – Вот, кстати, Харик, вы смотрите за Глиддой? Что-то мне показалось, что она здорово раздалась в последнее время.

– Н-нет, в ней как раз больше от отца, нежели от матери, – усмехнулся Харик. – Старый барон, да пребудут в мире его кости, был мужчиной редкой выносливости. Дожить до таких лет и умереть просто от старости, с его-то жуткими ранениями, – это мало кто сможет. Вы знаете, я досматривал его до последних дней, скажу вам как врач, я был просто поражен. Он умер вполне здоровым человеком, просто срок пришел! Вы и Глидда унаследовали от семьи матушки крепость скелета, но ничего более. Вам, Джеш, можно обжираться хоть до потери сознания, толстым вы не станете.

– Но урок я помню, – мрачно ответил Хадден. – В последние годы мать уже почти не могла ходить и все же постоянно ела. Да, точно! Она уже не могла подняться на второй этаж и поэтому спала в той комнате, где сейчас живут служанки! По-моему, она ела жирное мясо и белый хлеб вообще все время, не останавливаясь. Все время! Я помню ее вечно жирные

руки, ее ужасный запах. Зачем отец, человек с королевской пенсией, решил на ней жениться – не понять. Никогда я не возьму в жены девушку из хорошей семьи, на которую мне тошно смотреть. Нет уж, Харик, я найду себе вдовушку с капиталом, в добром соку, и привезу ее сюда, а тут она нарожает мне целый выводок новых барончиков...

– Так было бы лучше для всех. – Харик слабо улыбнулся, поскреб подбородок и качнул головой. – Но ваш брат помешает вам это сделать. Или же вы прикончите его: другого выхода уже нет.

* * *

Чердачный люк, расположенный в потолке старой комнаты Джеша Хаддена, вел не совсем на чердак, – в крохотную мансарду, которую дед его, заново выстроив дом на древнем фундаменте, поднять поднял, а как ее использовать, так и не придумал. Хуже того, внешняя лестница, что должна была идти к мансарде по торцовой стене, обвалилась через несколько лет после постройки, в дальнейшем попасть туда можно было только через этот самый люк.

В мансарде хранилось всякое барахло, может, и ценное, но никак не применимое в хозяйстве. Книги двухсотлетней давности, адмиральский мундир одного из пращуров, пара старинных винтовок, под которые не найти было патронов, свадебные пояса прабабок и прочий хлам, неизбежно скапливающийся у семьи, много веков живущей на одном и том же месте. Мальчишку Джеша туда пускали нечасто и только под присмотром отца. Со временем он, конечно, перерыл все, или почти все, в том числе и сундук с бумагами, оставшийся от основателя баронской фамилии инженера Арвела Хаддена, которого, надо сказать, в доме поминали редко. Иные кичатся родословной в три столетия, заказывая художникам портреты первого дворянина в роду, чтобы развесить их где только можно, но, увы, Хадденов все это не интересовало. Бесконечные, из поколения в поколение, семейные неурядицы и скандалы из-за неудачных браков отбили у них желание чтить предков.

Здоровенный сундук, обитый растрескавшейся зеленой кожей, особого интереса у Джеша не вызывал. Там лежали какие-то альбомы в обложках из лакированного картона, большие папки со странными рисунками, пара ящиков со сломанными замками. Ящики кто-то обмотал проволокой, так что юный Хадден до их содержимого не добрался, и еще бронзовый конический снаряд, высверленный изнутри. На снаряды современных пушек он был похож, но не более. Повертев его однажды в руках, Джеш отложил старинную вещь в сторону и забыл про нее навсегда. После того как он вступил в первый свой полк, о чердаке Хадден позабыл почти напрочь. Визиты домой случались нечасто, и лишь иногда, лежа в кровати и глядя в потолок, он видел контуры люка. Тогда вспоминались сундуки, обтянутые парусиновыми чехлами ящики и ощущение тайны, такое яркое в детстве.

Ключ от врезного замка люка Глидда искала долго. Сперва в своих шкапулках, потом в комодке, а нашелся он в конце концов на дне одного из ящиков массивного буфета, что стоял на кухне.

– Сто лет бы я про него не вспомнила, – сказала она, отдавая ключ Хаддену.

– А чего вспоминать-то? – невесело усмехнулся тот.

Инго ждал его в просторной гостиной на первом этаже. Несмотря на изобильный ужин с вином, юноша выглядел вполне бодрым и отдохнувшим. Ветер северной весны веселил его, придавая новый вкус ощущению жизни, здесь по-иному пахли все цветы и по-своему пели птицы.

– Идемте, – позвал его Хадден и указал на скрипучую боковую лестницу, что вела на второй этаж через левое крыло дома.

– Нам, наверное, потребуется лестница? – заметил Инго.

– А-ай, обойдемся. Там очень низкий потолок. Мальчишкой я становился на стол и вполне дотягивался до края люка. С тех пор, знаете ли, я изрядно вырос!

Принц с сомнением приподнял брови, но возражать не стал.

Рядом с поджарым и гибким офицером он чувствовал себя неловко. Хадден побывал во многих заморских странах, путь в которые был для принца закрыт по определению, превосходно владел оружием и вообще видел множество таких вещей, о которых Инго, наверное, даже и не подозревал. При всем при том барон Джеш вел себя с принцем дружелюбно, хоть и с некоторым оттенком протокольной почтительности. От этого, пожалуй, было еще хуже.

– Ну, вот и моя затворническая келья, – капитан повернул вытертую до блеска бронзовую рукоять, посторонился, пропуская Инго, – здесь я провел все свое детство.

Принц вошел и с любопытством осмотрелся по сторонам: комната была вытянутая, с большим окном напротив двери. Справа всю стену занимал огромный шкаф из темного дерева с пятью книжными полками и множеством выдвижных ящиков, слева стояла высокая кровать, а под ней виднелся пенал на роликах, в котором хранилась одежда. Завершали обстановку простой письменный стол с плетеными прямоугольными корзинами для бумаг, и два стула – черных от древности. На стенах висели несколько бронзовых колец под масляные лампы.

– Наверное, здесь было довольно печально зимними вечерами, – проговорил Инго, выглянув в окно, за которым шевелил ветвями сад.

– Мне помогали книги, – подмигнул Хадден.

Он взялся за край стола и без особого труда передвинул его на середину комнаты. Потом, переставив на подоконник письменный прибор и массивную деревянную подставку для молитвенника, застелил стол заранее припасенными газетами.

– Вот и готово, – сказал капитан. – Сейчас открою.

Инго задрал голову вверх. Встав на стол, он, пожалуй, окажется в открытом люке примерно по плечи, но вот что делать дальше? Хватит ли сил взобраться? Хаддена, судя по всему, этот вопрос не тревожил ни секунды. Он легко влез на столешницу, воткнул ключ в прорезь замка, провернул его и уверенно толкнул потемневшую крышку вверх. Через несколько мгновений его тело исчезло в светящемся серым светом прямоугольнике.

– Ну и все, – услышал Инго его голос. – Залезайте на стол и давайте мне руку.

Принц без рассуждений исполнил команду, стоило ему сунуться в люк и протянуть ладонь, как Хадден без видимых трудов выдернул юношу наверх.

– Ну вы даете... – зажмурился Инго. – Н-да...

Обтянутый зеленой кожей сундук, что стоял в углу возле грязноватого, давно не мытого окна, принц разглядел сразу. Одобрительно кивнув, Хадден коротко взмахнул рукой: давай, мол, сам, а я рядом постою. Света здесь было вполне достаточно, но все же Инго достал из кармана новенький электрический фонарь со складными ножками, который можно было установить на полу.

– Итак... – задумчиво произнес принц.

Как положено пеллийскому мальчишке, Инго вырос на старых романах, в которых, помимо рыцарей и прекрасных дам, обязательно присутствовали пираты, разбойники и упрянтанные в пещерах сокровища. Книжек такого плана он перечитал множество... Но вот настоящий сундук, хранящий в себе тайны из эпохи ни много ни мало Династических войн, принц Инго не мог себе даже вообразить.

Очень осторожно размотал он проволоку на петле миниатюрной щеколды, откинул вверх бронзовый язычок и, улыбаясь, поднял крышку. Под ней обнаружилось чистое сухое полотно, сложенное в несколько слоев. Вынув его, Инго передал ткань Хаддену, а сам осветил в чрево сундука фонариком. Более чем наполовину сундук был заполнен какими-то папками непривычно большого формата. Принц вытаскивал их одну за другой, передавая хозяину, а потом

увидел толстый альбом в переплете из растрескавшейся кожи. Его взял в руки с особой осторожностью. Альбомов, совершенно одинаковых, оказалось два.

– От почтенного предка осталось еще кое-что, – произнес Хадден, – но это не бумаги. Бронзовый снаряд – очевидно, плод какого-то из его экспериментов, пара шляп, старинный костюм. Думаю, вас это добро не заинтересует. Хотя...

Хадден уложил альбомы на большой деревянный ящик рядом с сундуком, а потом нырнул куда-то под противоположную стену, теряющуюся в полумраке. Вскоре он вернулся, держа в руках длинный сверток из грубой парусины. Ткань упала на пол, и Инго изумленно раскрыл глаза: в руках у капитана тускло поблескивал золотыми кольцами ножен длинный меч со сложной плетеной крестовиной. Навершие эфеса украшал крупный зеленый камень.

– Это дар Уллы, – сказал Хадден и указал на золотую табличку, прибитую к ножнам двумя крохотными заклепками. – Читайте.

«Храбрейшему из хитроумных АРВЕЛУ ХАДДЕНУ, преград не знающему», – прочитал Инго.

– Самого Уллы? – прошептал Инго.

Хадден протянул меч ему, но принц только мотнул головой, не решаясь прикоснуться к сокровищу.

– Этой вещи место в музее, – сказал он.

– Когда-нибудь, – покачал головой капитан, снова заматывая реликвию в парусину.

Инго спустился вниз – теперь уже без помощи капитана, – осторожно принял папки и альбомы, уложил их на стулья и дождался, когда Хадден спрыгнет, а потом закроет люк.

– Ну и глаза у вашей милости, – хмыкнул Хадден. – Может, оставим пока все это здесь и пойдем прогуляемся?

– Бумаги нужно упаковать, и я позаботился об этом. – Инго тряхнул головой, пытаясь выдать бодрую улыбку, но у него ничего не вышло. – У меня есть специальные сумки с шелковым нутром. Смотреть я это все пока не буду.

– Вот как?

– Да, господин Джеш. Попозже. Вы правы, я взволнован: не каждый ведь день удается прикоснуться к настоящему сокровищу. Я чувствую себя мальчишкой... Давайте действительно прогуляемся по окрестностям – мне самое время подышать свежим воздухом.

Хадден одобрительно кивнул.

– Боюсь, что в ближайшем будущем нас ждет немало всяких приключений, так что лучше отдохнуть как следует. Не переживайте, господин Инго, день-другой среди наших лугов, и вы будете готовы к передрягам. Здесь, на Севере, хорошее место для приведения нервов в порядок.

– Вы не понимаете! – внезапно вспыхнул принц. – Прикосновение к древности – для меня это... что-то вроде сбывшейся мечты. А уж нервы мои – они тут совершенно ни при чем!

– Понимаю, – мягко отозвался Хадден. – Идемте, ваша милость. Побродим, поболтаем о том о сем. Сейчас начали цвести дробсы, нигде они не цветут так сладко, как здесь, у нас. В былые времена мамыши запирали своих дочек в тот день, когда в долинах распускались первые цветки.

– Вот даже как?

– Именно. И к вашему сведению, кое-какие старинные легенды настолько ярко отпечатались в моей памяти, что я готов поведать их вам без всякого труда.

Близился полдень. Солнце, ярко сиявшее с самого рассвета, теперь то и дело пряталось за облака, поддувал северный ветер, обычный в эту пору года. Хадден предупредил одну из служанок, что к обеду они, скорее всего, не вернуться, дождался, пока Инго накинет на плечи короткий плащ из тонкого сукна, и вышел за ворота. Глидда уехала куда-то по делам, а Харик торчал у пациентки на хуторе Липни, так что беспокоиться о гостях было некому. Сперва путеше-

ственники шли по выложенной брусчаткой дороге, потом Хадден решительно повернул налево, на плотную грунтовку, кое-где подсыпанную гравием. Впереди замаячила мельница, явно старинная, характерной для Севера брусово-наборной конструкции. Недавно замененные лопасти поблескивали свежей серой краской. Чуть правее тянулся к небу торфяной дымок, и было слышно пыхтение машины.

– Ваша? – прервал долгое молчание Инго.

– Да, ей лет двести, – кивнул Хадден. – Какое-то время она стояла и начала уже разрушаться, но Глидда привела ее в порядок, поставила паровик и вообще все там механизировала. Теперь, как я понимаю, дело стало приносить хорошие деньги.

При мысли о деньгах ему сразу же вспомнился разговор с Хариком, и Джеш сплюнул в сторону. На развилке он снова взял влево, дорога теперь шла вниз, и за редкой рощицей виднелись крыши какого-то села.

– Там, впереди – Балиф, – сказал он Инго. – В таверне у Тида подают отличных копченых гусей, но мы сейчас не за этим. Скоро ваша милость увидит холм, а на холме...

Они прошли еще две сотни шагов, и принц вдруг остановился. На лице его появилась недоверчивая улыбка.

– Бу-удь я проклят! Неужто развалины замка?

– Не совсем так, это была сторожевая крепость. Ее, кстати, зачем-то перестраивал мой почтенный пращур Арвел. Когда-то там казнили знаменитого Кину-резника, который лет десять держал в страхе всю округу. Ему выпустили кишки и повесили, но не на стене, как это обычно делалось, нет. Пойдемте, я покажу вам.

Хадден сошел с дороги на едва видневшуюся в траве тропку и уверенно зашагал в обход поселка к холму на северо-западе, голая вершина которого щерилась полуразваленными, заросшими мхом и вьюном стенами древней крепости. Когда-то такие укрепления стояли по всему Северу, но со временем, утратив свое значение, оказались покинутыми. Зимы, ветры и дожди неумолимо делали свое дело, разрушая камень. Инго с горечью подумал, что живущим здесь людям нет никакого дела до своего прошлого. легенды и песни они еще помнят, но вот о крепостях, служивших некогда единственной защитой для мирных фермеров, помнить не желают. Хадден поднялся на холм с восточной стороны, там, где изрядный кусок стены просто вывалился и лежал теперь грудой камней на берегу небольшого ручья. Перелезть через грубо вытесанные опорные блоки, разрушить которые стихия пока не сумела, было нетрудно. Инго спрыгнул с замшелой площадки и огляделся. Внутри крепость оказалась совсем невелика. Деревянные постройки давно превратились в прах, но кирпичная казарма под стеной и пороховая башенка посередине двора стояли как ни в чем не бывало.

– Идите сюда! – позвал Джеш.

Инго повернул голову и увидел, что капитан указывает рукой в дальний угол стены, где из травы торчал каменный столб, высотой в два человеческих роста, и какой-то черный от мха предмет, напоминающий гриб на слишком толстой ножке. Путаясь ногами в плетях вьюна, что умудрялся расти на каждом кирпиче, валяющемся в траве, принц прошел через весь крепостной двор и остановился у столба. Чуть ниже верхушки, выполненной в виде неровного шара, из камня торчали два заржавленных крюка.

– Вот здесь его и подвесили, – сообщил Хадден и достал из поясной сумки трубку. – Говорят, столб этот стоит тут с незапамятных времен, и алтарь тоже...

– Алтарь? – Инго обошел по кругу каменный гриб, а потом вдруг опустился на колени. Хадден увидел в его руках небольшой складной нож.

– Да, это алтарь Старых богов, и когда крепость только строилась, его хотели скovyрнуть отсюда, но местные старики подняли жуткий крик. Так рассказывают... Я, честно сказать, и сам считаю, что с этими вещами лучше не шутить. Стоит себе – да и пускай стоит!

Несмотря на толстый слой мха, Инго все же удалось разглядеть глубоко вырезанные в камне рисунки и письмена. Вот, правда, что они значили – он сказать не мог. Период до пришествия Пелла и его воинства только ждал своих исследователей, хотя времени у них уже оставалось мало, – артефакты, подобные этому алтарю, разрушались или же сносились при строительстве. С ножиком в руке Инго двигался вдоль круглого камня, иногда счищая мох, чтобы взглянуть в острые, будто наконечник стрелы, буквы, или в жуткие рожи, вырезанные, однако ж, с большим искусством. Внезапно он остановился, снова встал на колени и принялся скрести камень быстрыми нетерпеливыми движениями. Через пару мгновений его взгляду предстало изображение лодки, в которой сидели несколько фигурок с большими коническими головами и... четырьмя руками, сжимающими нечто вроде коротких толстых дротикиков.

– Значит, и здесь вы тоже побывали, – прошептал Инго.

– Что вы там нашли? – спросил Хадден, пуская в небо ароматный дым.

– Да разве разберешь, – досадливо проворчал принц и поднялся на ноги. – С письменностью допеллийского периода у нашей науки дела плохи. А тут еще и не летопись или хроника правления, а наверняка какие-то молитвы.

– Значит, камень действительно очень древний?

– Не меньше трех – трех с половиной тысячелетий.

– Ого-го! Понимаю тех стариков, знаете ли.

– Именно. Ну что, господин Джеш, я здорово натрудил ноги и мечтаю понюхать копченого гуся, да и вообще во рту у меня совсем пересохло. Далеко тут до таверны?

– Будем через четверть часа, господин Инго! Идемте, кажется, скоро случится гроза, и лучше нам переждать ее под крышей.

Глава 4

Над южной частью столицы накрапывал мелкий дождик. С высоты холма Эстро, что буквально нависал над центром с северо-запада, хорошо были видны тяжкие серые тучи, медленно плывущие за горизонт. Когда Маттер поднялся на площадь с фонтаном Поминовения, солнечные лучи вдруг залили все вокруг желтоватым послеполуденным светом. Князь присел на скамейку, положил на колени кожаную сумку с серебряными пряжками и устало прикрыл глаза. С островов Банлун «Даамир» шел больше восьмидесяти часов, то и дело меняя курс, чтобы обойти сверкающие молниями грозы. Несколько раз пришлось подниматься на предельно возможную высоту, иначе страшные океанские штормы грозили разорвать корабль в клочья. Измученные люди, закутанные в меха и не расстающиеся с кислородными баллонами, держались отлично, однако Маттер знал, что у всех есть свой предел. Жуткий холод, кислородное голодание и постоянная тряска способны сломить самого стойкого воздухоплателя. Несколько королевских воздушных крейсеров погибли в прошлом году именно под ударами весенних штормов – не хватило прочности корпуса и мощности двигателей. «Даамир» был намного крепче и крупнее любого из этих изящных белых красавцев, но в споре с внезапным ураганом даже он вполне мог оказаться проигравшим...

За спиной князя гулко ударил храмовый гонг. Маттер пошевелился, выпрямляя ноющую спину, потом встал и медленной стариковской походкой зашаркал в сторону улицы Вилдо, где у дверей ресторана только что остановился серый экипаж с непривычно длинным капотом и большими овальными фарами. Маттер видел эту машину, но на лице его не отобразалось ровным счетом ничего, кроме усталости человека, вымотанного до предела как физически, так и духовно.

Привратник в зеленом камзоле глянул на князя, тревожно нахмурился и распахнул двери чуть резче, чем обычно. В зале Маттер вяло махнул рукой распорядителю, бросил на ходу:

– Тростниковой из Уалли! – и пошел, горбясь, к лестнице на второй этаж.

В коридоре второго этажа князь остановился у дверей хорошо ему знакомого кабинета, нажал ручку из полированной китовой кости. Дериц сидел за низким столиком, уставленным закусками, и быстро писал что-то в небольшом блокноте, лежащем у него на правом колене. Услышав щелчок двери, он вскочил и внезапно замер, глядя на друга изумленными и даже испуганными глазами.

– Мне уже говорили, что я не похож на самого себя, – произнес Маттер и сел на диван, бросив в угол комнаты шляпу.

– Вымотало на переходе? – дернул щекой Энгард.

– Восемьдесят три часа, – пробормотал Маттер. – И если бы отказал хоть один мотор, я б сейчас тут с тобой не сидел. Пришли вчера под вечер, так и эту ночь я фактически не спал.

– Да, выглядишь ты не очень.

– Ты, как я понял, успел ознакомиться с моим письмом?

– Разумеется. Ты сам знаешь, что твои письма я всегда читаю первыми.

Дериц придвинул к Маттеру тарелку с жареными ломтиками морского змея, сыр в пряном рассоле и мелко нарезанные маринованные овощи. Князь взял в руку вилку, съел кусочек сыра и откинулся на спинку дивана.

– Не могу, – сказал он. – Даже есть не могу. Сейчас принесут эту дрянь из Уалли, она меня взбодрит.

– Ту, на горных травах? – понимающе усмехнулся Энгард.

– Ее не рекомендуют сердечникам, но с сердцем у меня пока все в порядке. Стали болеть суставы. На высоте это просто невыносимо.

– Сочувствую...

Солидный разносчик – других здесь не держали – бесшумно вошел в кабинет, поставил перед князем кувшин с чуть запыленной печатью на пробке и исчез. Дериц, тревожно качая головой, налил другу полный бокал.

– Не забудь поесть, – предупредил он.

– Да хорошо бы.

После чашки овощей и нескольких глотков тростниковой лицо Маттера немного разгладилось, хотя синие тени под глазами остались, делая князя заметно старше. Дериц курил, следя за другом, потом встал и подошел к окну.

– За историю с Инго ты достоин как минимум медали, – проговорил он, не оборачиваясь.

– Ну, не нам мелочиться, – проворчал Маттер с набитым ртом. – Тем более что впереди у нас та-акое...

– Вот даже как? Ну ладно, давай сперва разберемся с Инго, кстати, через полтора часа он должен явиться ко мне, и ты тоже не будешь там лишним.

– Я так и думал. Я еще не видел его, если ты об этом.

– Ну вот, значит, Инго... Ты идешь на определенный риск, приближая его к себе. Да, я понимаю, что вывернуться из этой ситуации не получится, но он все-таки принц, Персона Крови...

– Да хоть кто. Энни, он получил доступ к информации, совершенно закрытой для простых смертных. И не только доступ, он теперь знает, что все это – правда. Что вокруг нас тысячи миров, торгующих, воюющих, пес его знает чем еще занимающихся и иногда вмешивающихся в наши ничтожные дела. Что я должен был делать – пустить ему пулю в лоб и сбросить в шахту? Ха! И не забывай, он действительно принц. Его будущая власть сулит нам большие возможности.

– Хвала богам, родня окончательно махнула на него рукой. Наследником ему не стать, у них там других хватает, а значит, пусть себе занимается наукой и не маячит перед глазами. Ему назначили достойное содержание, захочет, лет через пять получит где-нибудь кафедру, формальное образование ему позволяет.

– То есть я должен понимать это так, что теперь он относительно свободен?

– Даже не относительно, – Дериц снова сел на диван рядом с другом и усмехнулся: – Времена меняются очень быстро, и там, в Граде, это понимают. Не думай, что вокруг Трона Пеллийского толкутся одни болтуны и обжоры. Будь Инго человеком, от которого можно ждать неприятностей, тогда его опекали бы во весь рост, а так... зачем? С их точки зрения, если он вдруг начнет писать действительно толковые работы и публиковаться в университетской печати, – хвала богам, разве ученый принц способен скомпрометировать Трон? Понятно, что нет, – даже в старые времена... А насчет его манеры волочиться за актрисами, так тут тоже нет ничего предосудительного, скорее уж наоборот, а то среди высшей знати развелось такое количество мужеложцев, что становится дурно.

– Ладно... Мне не могло прийти в голову, что ты ждешь Инго, поэтому времени у нас мало. Слушай меня внимательно и на сей раз ничему не удивляйся...

Маттер говорил долго. Энгард Дериц, не перебивая друга ни единым словом, несколько раз вставал и отходил к выходящему на двор здания окну, а потом возвращался на диван. Лицо его, обычно непроницаемое, сейчас выдавало смятение и даже ужас. Когда князь закончил, глава Серебряного Покоя подошел к столу, налил себе полный стаканчик тростниковой, настойной на бодрящих горных травах, и осушил его одним махом.

– Мне трудно описать свои чувства, – признался он, снова набивая трубку.

– Если ты из-за Влиры, – поднял руку Маттер, – то эту проблему я беру на себя от и до. Лига даст ей большие полномочия, но я смогу проследить за тем, чтобы она не зашла слишком далеко.

– Не из-за этого, – перебил его Энгард. – Ты кое-чего не знаешь. Неделю назад барон Ратлиц провел окончательные испытания своего аппарата беспроводной связи, и я на них, разумеется, присутствовал.

– Наконец-то! – встрепенулся Маттер. – И что же, все работает как надо? Помнится, он долго тянул с совершенствованием приемника...

– Именно. Так вот: аппаратура была установлена на двух королевских броненосцах, один из которых болтался на рейде Воэна, а второй ходил туда-сюда в районе залива Крусс. Дистанция составляла более тысячи лонов. Эксперимент прошел с полнейшим успехом. Комитет Пяти в полном восторге, и одна известная нам персона вскоре ощутит на себе, какой бывает благодарность Трона Пеллийского.

– Мне ничего не надо. – Маттер мотнул головой и взялся за кувшин. – Да помилуют нас боги!

– Тут не тебе решать... Но главное, о чем я хотел рассказать тебе, не только успех Ратлица. Передатчик пока слаб, хотя и работоспособен, однако барон, в силу некоторых своих соображений, действительно потратил много времени на приемник. Так вот, друг мой... мы поймали чью-то чужую передачу. И в том, что это именно передача, а не атмосферные помехи, сомнений быть не может. Двухминутный цикл сигналов повторялся каждые десять минут в течение трех часов, потом – все. Тишина и только треск. По словам Ратлица, – Энгард вздохнул, облизнул в задумчивости губы, – передатчик находится на большом расстоянии и обладает пока недостижимой для нас мощностью.

– Быть может, вы поймали сигналы радиообмена кораблей, прибывших на Торг? – спросил Маттер.

– У меня была такая мысль. Разумеется, я не мог поделиться ею с Ратлицем... Но видишь ли, какая штука, передатчик лупил короткий кодированный сигнал – код очень сложен. Ратлиц не смог даже разобраться, сколько в нем единиц. Они могут передавать в эфир тональные модули, а не только писк и верещание, как мы. Для передач звездолетов это слишком примитивно, тебе не кажется?

– Да, там передаются колоссальные массивы данных и уж явно не на тех частотах, которые доступны приемнику Ратлица, – пробормотал Маттер. – Впрочем, об этом я слышал только краем уха, так что не мне судить. Но я приму эту новость во внимание. Однако не могла ли передача идти из Ла-Велле? Идеи, в общем-то, носятся в воздухе.

– По мнению Ратлица, который успел поэкспериментировать с направленной антенной, сигнал шел со стороны Континента Заката.

– Вот как...

Маттер встал, размял ноющую спину и глянул в окно. На стекле виднелись косые следы разбившихся капель.

– Именно туда я и собираюсь через месяц, – сказал он. – У тебя есть кто-нибудь в Рамле?

– Как не быть? – усмехнулся в ответ Энгард. – Сегодня Рамла – это цветные металлы для нашей промышленности и крупный рынок для нашей пшеницы. А завтра они станут покупать наши сельскохозяйственные машины. У них всего два океанских порта, и расположены они не слишком удобно, но тут уж ничего не поделаешь. В этих портах сидят наши торговые миссии, а в одном из них, в торговой столице княжества – представитель Трона.

– Это все понятно. – Маттер скривился и потер лоб. – Мне нужно другое.

– И это тоже есть. Наш человек, постоянно организующий геологические экспедиции по самым диким местам, устроит?

– Невероятно! Думаю, именно он подойдет лучше прочих. Если таинственный «повелитель» Даглана находится в Рамле, то искать его следует именно в джунглях.

– Равнина Мертвых Городов? – прищурился Дериц. – Я помню твои светографии, и жуть пробирает меня до сих пор. С высоты они смотрятся очень романтично, но внизу, боюсь, там все крайне печально.

– Эпидемии были давно, – отмахнулся князь, думая о чем-то ином. – Более того, сегодняшнее население Рамлы не имеет никакого отношения к тем, кто строил все эти крепости и пирамиды. Подводные вулканы изменили очертания береговой линии, часть континента просто исчезла, а в океане выросли новые острова. Для меня сейчас важно вот что: в Рамле я должен иметь некий, ну хотя бы полуофициальный статус. Что-нибудь вроде бумаг временного консультанта торговой миссии, исследующего новые рынки для пеллийских промышленников.

– Это я сделаю легко. Вопрос формулировки. Тебе нужен беспрепятственный доступ на «дикие территории»? С этим могут быть сложности, но я полагаю, что мы что-нибудь придумаем.

Энгард бросил взгляд на красивые часы в медном корпусе, висящие возле окна. Маттер понимающе кивнул, встал и потянулся за своей шляпой.

– Что ж, – сказал он, – пошли пугать его высочество. Надеюсь, твой повар найдет что-нибудь мне на ползуба? Я остался голодным.

– О, значит, ты приходишь в норму!

Они вышли из кабинета и спустились вниз на улицу. Водитель, стоявший возле длинной машины Энгарда, поспешно распахнул тяжелую дверцу.

– Домой, – коротко приказал ему граф.

Стеклянная перегородка, отделявшая просторный отделанный бархатом салон от места водителя, была сейчас поднята. Маттер задумчиво посмотрел вперед, на далекий шпиль храма Раннон, богини-покровительницы матерей, и вздохнул:

– Знаешь, я безумно рад, что у меня есть этот месяц.

– Уже меньше, – невесело хмыкнул Энгард.

– Ну, посмотрим. На самом деле мне нужно хотя бы дней пять – просто шляться по городу и ничего не делать.

– Я помню, каким ты был, когда приехал сюда после смерти старого князя. Какие у тебя были глаза... Впрочем, освоился ты быстро.

Маттер понимающе хлопнул друга по плечу.

– Этого не забыть, Энни.

– Да уж.

Машина заехала во двор хорошо знакомого Маттеру особняка и остановилась у дверей черного хода. Господин глава Серебряного Покоя посторонился, пропуская вперед гостя. В слабо освещенном тыльном коридоре уже ждала девушка-служанка, миловидная и улыбчивая, но ее серые глаза смотрели внимательно, даже остро.

– Закуски на троих, Тина, – распорядился Дериц. – Его светлости нездоровится, так что вино – подогреть. И ты помнишь, кто к нам сейчас придет?

– Забыть нельзя. – Тина взяла у Маттера плащ и шляпу и едва заметным движением погладила его руку: – Вы простудились в полете, господин князь?

– Я трое суток воевал со штормами, девочка, – кисло улыбнулся Маттер. – Сейчас мне самому странно, что мы остались живы.

Девушка в притворном ужасе закатила глаза, а потом тихонько рассмеялась:

– Вас, господин князь, вряд ли можно напугать каким-то там штормом.

Улыбнувшись и хмыкнув в ответ, Маттер вслед за Энгардом поднялся наверх. Милая девчонка всего несколькими словами подняла ему настроение, заставив почти забыть невероятную усталость и напряжение последних дней. Год назад эта Тина начала свою карьеру у Дерица в качестве самой обычной прислуги. Формально она ею оставалась и сейчас, но жало-

ванье получала уже офицерское и была посвящена Энгардом во многие секреты пеллийской политики. Сам он иногда жаловался, что без Тины теперь неспособен разобрать свои бумаги.

В просторном кабинете Дерица Маттер тут же занял свое любимое старое кресло в углу, развязал галстук и вытянул ноги. Суставы все еще напоминали о себе, но теперь он был уверен, что мучиться оставалось недолго.

– Разговор с принцем будет иметь последствия, – произнес Энгард, усаживаясь за свой письменный стол.

– Ты хочешь привести его к подписке о неразглашении?

– А как же иначе?

Маттер понимающе склонил голову. Что бы ни происходило в дальнейшем, а Инго теперь навсегда будет связан с Энгардом Дерицем и его организацией. Серебряный Покой может помочь во многих делах, однако редко когда такая помощь обходится недорого. Впрочем, у принца и впрямь не было никакого иного выхода.

Кто может сказать, куда затянут его странноватые дела князя Маттера? А Дериц, что ж, Дериц всегда сможет прикрыть и вытащить из передраги, для этого у него есть связи, есть деньги и хорошо обученные головорезы на королевской службе.

Скрипнула дверь, и вошла Тина с большим подносом.

– Будь внизу, – сказал ей Энгард. – И не забудь, никаких там «ваше высочество»!

Девушка ответила ему короткой, все понимающей улыбкой. Когда она ушла, Дериц вылез из-за стола, сел напротив Маттера и побарабанил пальцами по подлокотнику кресла:

– Таких особ я тут еще не видел.

– Персон Крови? – усмехнулся князь. – Ну-ну.

– Все это было бы смешно, однако...

Дериц осекся на полуслове: внизу отчетливо ухнула парадная дверь. Маттер с деланным безразличием подошел к окну, а Энгард остался в кресле, нахмуренный и серьезный. Через минуту дверь кабинета отворилась снова.

Инго был немного бледен. Оделся он неприметно и сейчас более всего напоминал мелкого чинушу. При виде Маттера он вздрогнул, широко раскрыл глаза и едва не бросился ему на грудь.

– Господин князь! Меня уведомили о прибытии «Даамира», я получил вашу записку... но никак не ожидал увидеть вас здесь!

– Познакомьтесь с моим добрым другом графом Энгардом. – Маттер пожал руку принца и слегка развернул его к Дерицу. – О его должности, я думаю, вам известно не хуже моего.

– Очень рад, господин Инго, – подчеркнуто дружелюбным тоном произнес Энгард. – Присаживайтесь, не стесняйтесь. Его светлость князь Маттер чрезвычайно утомлен долгим перелетом, так что мне приходится его отпаивать лучшими винами – таков бывает долг старой дружбы. Угощайтесь и вы!

Инго сел с краю широкого кожаного дивана, осторожно взял в руку протянутый Маттером бокал, сделал глоток. Глаза его смотрели настороженно, и ясно было, что принц не очень понимает, чего ему стоит ожидать – прямо здесь и прямо сейчас.

– Итак, господин Инго, нам с вами следует кое о чем поговорить... – Энгард смотрел немного насмешливо и в то же время пронзительно. – Вы, наверное, слышали о том, что наш общий друг князь Маттер известен как человек, твердо держащий сторону Трона, даже тогда, когда подобные обязательства противоречат его личным интересам. Не стану от вас скрывать, бывали уже случаи, когда в интересах пеллийской политики князю приходилось подвергать свою жизнь большому риску.

Энгард замолк, и тогда Инго осторожно пошевелился на диване:

– Мне приходилось слышать об этом, ваша милость.

– И все же вы решились назвать князя своим наставником и принести ему нечто вроде клятвы, верно?

Инго посмотрел на Маттера, и тот с улыбкой наклонил голову.

– Это так, ваша милость. – Принц немного помолчал и добавил, как бы с усилием: – Боюсь, так сложилась моя судьба. Впрочем, вам нужно знать, что я рад всему, что со мной случилось.

– Но ваше общественное положение?..

– Оно не соответствует моим устремлениям, ваша милость. Пеллии можно служить по-разному, и та служба, что ждет меня в ближайшем будущем, принесет ей гораздо больше пользы, чем любая иная.

– Вот как, – веско проговорил Дериц. – Вижу, вы тверды в своем решении. Но все же мы попросим вас пока оставаться Инго, принцем Пеллийским, ну хотя бы просто внешне, да? Кто знает, как сложатся обстоятельства! Серебряный Покой отныне станет вашей защитой. Конечно, за это мы потребуем некоторых услуг с вашей стороны. Впрочем, я не думаю, что они окажутся обременительными для вас...

Энгард подошел к своему столу, раскрыл лежащую слева папку и достал из нее плотный желтый лист бумаги с машинописным текстом.

– Прочитайте и подпишите это! – властно приказал он, протягивая бумагу Инго.

Глава 5

– В столице, как известно, сосредоточены самые полные архивы королевства, но начать я предпочла с университетского. Я рылась в нем больше недели, уже чихать стала от пыли, но ничего интересного так и не нашла. Появление культа Секех – сплошное белое пятно в нашей истории. Культ оформился в течение буквально нескольких десятилетий после смерти Корна, и с тех пор в нем мало что менялось, кроме практики жертвоприношений. Где и как произошло «вознесение Секех», точно не знает никто. Похоже, что Корн унес эту тайну с собой в могилу. Разумеется, до меня дошло: если где и можно найти правду обо всех этих событиях, так только в храмовых подвалах, куда мне не попасть никак. В итоге все это здорово меня огорчило...

Элида Ламма посмотрела на Инго, сидящего напротив нее с кружкой горячего фруктового напитка, и он тихонько вздохнул в ответ. Близкое присутствие этой женщины немного нервировало, не то чтобы она его волновала как мужчину, нет, но все же эта яркая южная внешность плюс дерзко-насмешливый ум... Таких дам Инго еще не встречал, а потому никак не мог выработать нужный стиль поведения в ее компании.

Не дождавшись от принца вразумительного ответа, Элида сунула руку в дамскую сумочку, висевшую на спинке ее стула, и выложила на стол какую-то газету.

– Но если бы не кропотливая возня в архивах, вряд ли я смогла бы заметить вот это, – произнесла она и ткнула пальцем в заголовок небольшой статьи на последней странице.

– М-мм? – Инго придвинул газету к себе.

«Адепты таинственной южной секты в столице. Стража опровергает похищение детей для жертвоприношения».

Принц выпучил глаза и непроизвольно сглотнул.

– Что за ахинея? – пробормотал он.

В заметке, написанной весьма бойко и даже, по мнению принца, развязно, речь шла о членах некоей «группы монашествующих аскетов», которая два десятилетия назад вышла из культа Секех, желая затвориться в молитвенном поклонении богине. На Юге о них слышно было мало, сидели себе в каких-то руинах и на люди показывались редко. Однако южная бедность им, очевидно, надоела, и господа аскеты решили податься поближе к столице. Тут они с ходу развили бурную деятельность, вербуя себе сторонников из числа молодых клириков, и вскоре заняли полуразрушенный древний монастырь на землях княгини Биллиц, южнее столичного порта. Все шло хорошо, количество молельщиков, несущих затворникам свои кошельки, росло с каждым днем, однако вдруг несколько семей местных фермеров заявили о похищении своих детишек якобы с целью проведения тайных человеческих жертвоприношений. Дети тут же нашлись, а дознаватели Стражи *«отринули обвинения с быстротой, вызывающей массу вопросов».*

– Этого нам только не хватало, – сказал Инго. – А что думаете по этому поводу вы, госпожа моя?

– А я думаю, что дело тут нечисто, – блеснула глазами Элида. – Не повидаться ли нам с господином Такари?

– У вас есть его координаты?

– Вы думаете, я могла расстаться с таким человеком, не заручившись уверениями в вечной дружбе?

Инго пошевелил бровями, размышляя. Встреча со знаменитым столичным дознавателем – пусть даже самая дружеская – никак не входила в его планы.

– Знаете что, – произнес он, – Такари, мне кажется, нам сейчас не поможет. Там явно имела место взятка, а такие дела в Страже пока еще стараются прятать подальше, по крайней мере здесь, в столице. Я предлагаю другой вариант. Давайте-ка зайдем лучше к магистру

Паули – это известный столичный историк богословия, человек огромных знаний, и к тому же у него большие связи в клерикальных кругах. В свое время я отправился на Юг именно по его совету, так что, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Элида тряхнула головой, соглашаясь. Время шло к полудню. Час назад князь Маттер, выпив с прибывшим в его столичный особняк Инго по чашке отвара, заявил, что ожидает скорого визита финансового поверенного, а потому никаких дел до завтра не будет.

– Где, интересно, болтается Хадден? – спросил Инго, вставая из-за стола. – Ведь он по-прежнему живет здесь?

– Хадден повез Васко куда-то за город, на ферму к родичам, – ответила Элида. – Как я понимаю, бедного старика совсем растрясло над океаном, так что князь в приказном порядке велел ему ехать на свежий воздух и сидеть там две недели. Я слышала, у его родни тут большое хозяйство с прудами и мельницами. Для Васко это будет настоящий курорт.

Инго спустился к выходу, подождал немного Элиду в небольшом садике, окружающем трехэтажный особняк князя, и они вышли через калитку на улицу. Дом этот Маттер купил около десяти лет тому назад, после долгих поисков и даже сомнений. Ему хотелось уединения, но в то же время не слишком далеко от делового центра, в стремительно перестраивающейся пеллийской столице, которая богатели не по дням, а по часам, это было почти невозможно. В конце концов агент подыскал ему старинную нору в двух кварталах от Поля Драконов, на узенькой улочке, застроенной давным-давно и пока еще не слишком привлекательной для земельных спекулянтов. Когда-то в этом доме жила богатая и респектабельная семья, но со временем дела их пришли в упадок, и единственный наследник, молодой инженер, принял решение перебраться с женой и отпрысками «на природу», дальняя родня предложила ему место в компании, строящей «под ключ» патентованные консервные заводы.

Для принца темные закоулки старого города были чем-то вроде волшебных лабиринтов из сказок детства. Где здесь можно найти извозчика, он не имел ни малейшего понятия, но Элида, которая жила в княжеском доме с того дня, как «Даамир», придя из Майли, опустился в воздушном порту Гэтисс, успела изучить все вокруг.

Двигаясь какими-то проходными дворами, Элида быстро вывела принца на проспект святителя Трука, где возле старой морской биржи стояли несколько фаэтонов с поднятым верхом.

– Озерная, десять, – велел Инго вознице.

Госпожа Ламма уселась напротив принца, поправила короткий летний плащ, застегивающийся на груди плоской золотой цепочкой, и вдруг улыбнулась:

– Я так долго ждала господина князя, что успела пройтись по местным театрам. А вот этот, – изящная рука в нитяной перчатке указала на круглое здание с колоннами, чем-то похожее на храм, но лишенное, разумеется, шпиля, – основан, подумать только, более пятисот лет назад!

– А, да, – Инго высунулся из-под кожаной крыши фаэтона, – этот театр построил сам Лингол, еще при жизни признанный классиком. Строил он его собственным коштом и чуть на том не погорел... Уж больно лихо воровали подрядчики. Ему пришлось заложить свой дом, рассчитать всех слуг, а первые постановки проходили в недострое без крыши. Но зрителей оказалось столько, что к драматургу выстроилась очередь банкиров, желающих ссудить ему любые деньги даже без процентов! А закончилось все тем, что финансирование театра взял на себя Трон.

Элида понимающе кивнула. Столица не слишком нравилась ей, лето явно запаздывало, с моря все время тянуло дождями, а небо казалось низким и угрюмым. После вычурных городов старого Юга архитектура столицы выглядела блеклой, снующие по улицам люди имели озабоченно-пришибленный вид. Ко всему прочему, жить здесь выходило несусветно дорого. За самые элементарные вещи лавочники драли так, словно их товар везли через пару океанов.

Впрочем, госпожа Ламма знала, что князь Маттер проводит в столице совсем немного времени, а на «Даамире» уже готовят для нее отдельную каюту...

Извозчик остановился на тихой зеленой улице, торцом выходящей на Университетские пруды. Инго выбрался из фаэтона, расплатился и протянул руку спутнице, но та уже сама спрыгнула на влажную брусчатку – ловко и непринужденно, как девчонка.

– Мы где-то в районе Королевского Университета, утвердительно произнесла Элида.

– Богословский факультет, – кисло улыбнулся Инго. – Прошу вас...

Они прошли вдоль могучего кирпичного забора, нырнули в калитку и оказались посреди широкого двора, засаженного фруктовыми деревьями. Впереди желтел трехэтажный флигель со скругленной железной крышей, из которой торчали трубы многочисленных каминов. Инго уверенно потянул ручку грязноватой деревянной двери.

Внутри поднялся со стула сонный и мрачный дежурный сторож.

– Магистр Паули? – переспросил он. – Его милость сейчас занят с соискателями ученой степени и вряд ли согласится принять посетителей.

– Тогда передайте ему записку. – Принц, судя по всему, хорошо знал здешние порядки, а потому даже не удивился.

Достав из кармана записную книжку, он набросал несколько строк и передал листок сторожу. Тот безразлично глянул, свистком вызвал мальчишку-курьера и снова опустился на свой потертый стул.

– Мы подождем снаружи.

– Да уж как хотите.

Курьер вернулся буквально через минуту. Лицо его выражало боязливую почтительность.

– Прошу за мной, господа, – пискнул он, придерживая дверь спиной. – Его милость господин магистр ждет...

Инго и Элида поднялись по скрипучей лестнице на самый верх, и принц постучал в широкую дверь, когда-то обитую кожей. Лет с тех славных пор прошло немало, кожа растрескалась, кое-где висела клочьями, придавая двери кабинета почтенного богослова отвратительно неряшливый вид.

Сам господин магистр тоже выглядел довольно измятым. Элида, ожидавшая встретить на факультете почтенного ученого мужа, изрядно удивилась, когда из кабинета выскочил человек лет сорока в несвежей белой рубашке, перехваченной у ворота обвисшим шейным платком. Острое, немного смугловатое лицо магистра выражало страдание грешника, прикованного к скале.

– Какая радость! – хриловато возопил он, буквально втаскивая Инго в дверной проем. – Знали бы вы, до чего же меня достали эти господа соискатели! В королевстве, видите ли, все помешались на науке, так что без ученой степени нельзя устроиться даже дворником! О, Инго, вы с дамой? И что ж вы меня не знакомите?

– Госпожа Элида Ламма, историк из Майли, – совершенно не обращая внимания на фамильярный тон магистра, заулыбался принц. – Только не думайте, что она – моя пассия. Все намного сложнее, дружище Паули.

– Все-все, я – сама куртуазность! – возопил богослов и изобразил перед Элидой весьма ловкий поклон в южном стиле. – Вы, господа, для меня – благодарение богов. Коль не вы, сидеть мне с этими олухами до обеда, а так – повод от них избавиться! Как же они мне надоели!

Огромный кабинет Паули выглядел побогаче иных библиотек, подпирающие высокий потолок шкафы занимали три стены, и даже над окнами висели книжные полки. В дальнем углу наискосок стоял большой письменный стол, на котором не было ничего, кроме замысловатого письменного прибора очень древнего вида и стопки писчей бумаги. Очевидно, при всем своем презрении к внешности и платью, дела почтенный магистр вел аккуратно.

Усадив гостей на широкий диван, обтянутый уютной клетчатой материей, Паули проворно достал из стоящего в углу бюро два кувшина вина, глиняные стаканы и даже коробку печенья.

– Проклятая погода, – сказал он, придвигая к дивану небольшой столик, – доктора говорят, что у меня падает кровяное давление, и никакого спасения, кроме крепкого вина, тут не придумать. Ну, господин мой Инго, надолго ли вы в столицу?

– Я оставил службу на Юге, – очень серьезно заявил принц.

– Вот как? То есть ваши изыскания не привели ни к какому результату? Это кажется мне немного странным...

– Результат, может быть, и есть, но совсем не тот, на который я рассчитывал, господин магистр. Южное жречество... да пес с ним, с этим жречеством. Мы к вам по другому вопросу.

Паули наполнил стаканы и, не ожидая реакции гостей, опорожнил свой двумя лихими глотками. Его зеленоватое лицо постепенно приобрело нормальный цвет. Богослов протяжно вздохнул, откусил кусочек печенья и поднял глаза на принца:

– Я полностью в вашем распоряжении, – сообщил он.

Инго молча выложил перед ним принесенную Элидой газету. Господин магистр быстро пробежался глазами по тексту заметки и снова вздохнул.

– Этими фокусниками должен заниматься Совет по делам клира... Но там не до такой чепухи, они все делят земли. В столичном краю, видите ли, слишком много заброшенных храмов, обитателей и всякого прочего, а это нынче деньги, да какие!

– Что вам известно об этих сумасшедших? – резко перебил Инго. – Дело тут может оказаться серьезным, куда серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Если слухи о похищениях детей дойдут до Серебряного Покоя, кому-то в том же Совете ох как достанется!

– Я не думаю, что там были похищения, – поморщился Паули. – Скорее, через детишек пытались вовлечь в секту их родителей – богатеньких фермеров, а те уперлись, не понимая, с какой стати они должны нести деньги не пойми кому. Но ребята странные, очень странные. Они называют себя «Лик Секех», и ничего похожего в нашей истории еще, кажется, не было, хотя сумасшедших хватало во все века. Эти господа выделились из секты отшельников, что сидели в каких-то древних развалинах на острове Руу, и сидели долго. Жизнь там – врагу не пожелаешь, холодные течения, сплошные ливни и круглый год шторма. Видно, надоело – подались на Юг, но и там не усидели, перебрались сюда. Кто-то им тут покровительствует, это ясно. В проповедях у этих аскетов совершенно дикая каша из покаяний и обещаний, что рано или поздно Секех явит людям свой Лик, а уж тогда мало никому не покажется.

– Ого. – Инго сразу вспомнил жуткую статую в подземелье на острове Тар, и его слегка передернуло. – Но деньги – несут?

– Несут, несут. Надо сказать, проповедуют ребята с огоньком, себя не жалея, так что на всяких дурочек их вопли действуют безотказно. Ну и сами они, я так думаю, кое-куда заносят. В Стражу так точно, а куда еще, не скажу, не мое это дело.

– А что говорит по этому поводу местный клир Секех?

– А они в обмороке, ваша милость. Новоявленные затворники – как бы и не самозванцы, да вот никаких дел с нашими жрецами иметь не желают. Всеотче Бригл, Коленопреклоненный Пред Секех, уж на что мужчина суровый, так не придумал ничего лучше, чем объявить этих деятелей Лишенными Благости. А те в ответ заявили, что этот бурдюк с жиром о той самой Благости и понятия не имеет, тогда как сами они в своих духовных странствиях постигли откровения, дающие надежду на спасение.

– И Бригл утерся?! – пораженно вскинул брови Инго. – Представить себе не могу.

– Утерся. В клинике доктора Валле, после сердечного приступа. Видите ли, какая тут штука, господин принц... – Паули побарабанил пальцами по столешнице и снова налил себе полный стакан. – Я сам ходил на одну из их проповедей и должен признаться, что оказался

как будто отравлен. Они сводят с ума. Эти парни проповедуют втроем, ловко сменяя друг друга, и эффект от таких проповедей совершенно поразительный. Если подействовало на меня, представляете, что творится с нервическими дамочками? Они орут как резаные, у них слезы из глаз ручьем. Поверьте, я видел и конвульсии, и порванную одежду, и многое другое. К религии все это не имеет ни малейшего отношения, это чистая манипуляция. Но вот кто их научил такой методе?

Инго задумался. Культ Секех, весьма мрачный и во многом даже пугающий, после путешествия на Тар виделся ему в новом свете. Если раньше жрецы Секех представлялись ему таинственными мудрецами, ревностно хранящими древние тайны, то сейчас Инго с трудом давил в себе желание перерезать им глотки. Они поклонялись убийце, пришедшей из абсолютно чужого для людей мира, да не просто поклонялись – много, много столетий для ублажения Карающей Матери жгли ни в чем не повинных детей!

– Однако на фермеров эта их магия слова не действует, – медленно произнес принц. – Верно?

– Х-ха, да наших землепашцев из пушки не прошибешь, какие там проповеди! Особенно когда речь идет о людях, чьи предки собирали свои сундуки – зернышко к зернышку – лет так пятьсот-шестьсот. Попробуй вытрясти из них хоть медяк, они из любого аскета дух вышибут. Нет, все это действие рассчитано на людей со специфической психикой: легковверных, напуганных, неуверенных в будущем. В столице таких хватает.

– Но все же они кажутся вам странными, не так ли?

– Верно, ваша милость. Меня не покидает ощущение, будто с ними что-то не так. Здорово не так... В глазах у них – нечто такое... темное, по-настоящему темное. Будто все эти «древние грехи» они видели воочию и Секех возносилась прямо перед ними. И к тому же пошли слухи, что секта активно вербует молельщиков для поездок по далеким островам. С точки зрения коммерции все в полном порядке, господа аскеты просто расширяют свое «дело», однако разъездным агентам велено не монастыри захватывать, а что-то искать. Хотел бы я знать что. Не хватало нам еще краж из старых храмов. Жрецы Секех богаты, в их подвалах полно всяких реликвий давних веков, а ведь наши внезапные гении способны любую алтарную лампу объявить каким-нибудь «чудом Благости» – и народ совсем взбесится.

Принц провел пальцами по внезапно вспотевшему лбу. стакан с вином, что стоял перед ним, до сих пор оставался нетронутым; глядя куда-то в сторону, Инго взял его и пригубил. Вкус вина он даже не почувствовал.

Он знал, что именно ищут люди, отправляемые сектой в удаленные и малодоступные места Пеллии, – то же, что искал Даглан, упокоенный под горой на острове Тар.

И хозяин у всех у них – один...

– Знаете, дорогой Паули, дело это действительно может плохо закончиться. Я оставил службу в Майли, но положение мое таково, что отказаться от служения Королевству я не могу ни при каких обстоятельствах...

С этими словами Инго, неожиданно для всех, сам налил себе стакан вина и выпил.

– Положение вашей милости известно мне не хуже прочих, – очень тихо произнес Паули. – И на меня вы можете рассчитывать всегда, вне зависимости от того, какие задачи ставит перед вашей милостью Трон.

– Я знал, что иного ответа не услышу, – улыбнулся принц. – И коль так, то позвольте попросить вас вот о чем: на ближайшие дни оставьте все, забудьте про кафедру и господ соискателей. Мне нужен этот проклятый «Лик Секех». Нужно все, абсолютно все, включая даже самые нелепые слухи. Я найду вас дней через пять и хочу надеяться, что вы меня не подведете.

Налетевший с моря ветер прогнал тучи, и над старым центром столицы светило яркое, летнее уже солнце. В небе верещали птицы. Закрыв за собой калитку в факультетском заборе, Инго озабоченно вздохнул и сбросил с плеч суконную куртку.

– Мне кажется, госпожа моя, что будет лучше, если сегодня, то есть вкратце, вы доложите князю обо всем сами, без меня.

На губах Элида появилась понимающая улыбка.

– Это верное решение, ваша милость.

– Прошу... всегда называйте меня просто «господин Инго»! Мы все теперь в одном деле, и чиниться нам не стоит. И вообще, есть еще один нюанс. Мне совершенно незачем лишний раз маячить перед глазами господина князя сейчас, когда он устал и не может толком отдохнуть. Я приеду завтра утром. Вам известно, где меня искать на случай срочного вызова?

– Святителя Гасса, двенадцать? – Элида непринужденно взяла юношу под руку, и они пошли по переулку в сторону холма Муни, где всегда стояли извозчики.

– Да. Я полностью сменил прислугу, и новые люди в курсе, что меня могут потревожить посреди ночи. Пару сумок с тряпьем и пистолетами я теперь держу у себя в спальне... Но сегодня ночевать я буду не дома, а в театре Литтрица, госпожа Марисса прислала мне записку с весьма грустным сонетом, так что отказать тут нельзя.

– Сама Марисса! – восхитилась Элида. – Ну, впрочем, на то вы и принц.

– Нет-нет, – чуть поморщился Инго, – дело не совсем в этом. Может, я слишком деру нос, но все же... Вам, любезная дама, я могу сказать откровенно: я люблю женщин и не вижу в этом ничего предосудительного. Мы, хвала богам, не в Галотте живем! Секрет мой прост: не обладая привлекательной внешностью, я привлекаю противоположный пол простотой и честностью. Я не обещаю лишнего и не говорю дурацких комплиментов, я просто могу быть рядом тогда, когда это действительно нужно. Трудно поверить, но в сегодняшней Пеллии это прекрасно работает.

– Просто быть рядом... – повторила Элида, внезапно останавливаясь. – Поразительно, почему никто из мужчин не додумался до этого раньше?

Инго, вдруг смутившись, зябко повел плечами:

– У госпожи Мариссы полно поклонников, рядом с которыми я – толстый и неловкий мальчишка, однако сегодня ей угодно видеть меня, а не кого-нибудь другого. И понимаете, какая штука, я твердо знаю, чем мы будем заниматься перед тем, как лечь в постель: пить вино и болтать.

– Болтать?

– Именно так. Болтать о театре, который я люблю с детства, о ролях и провинциальных сценах... о многом. О таких вещах, которые малоинтересны гусарским полковникам.

– Мне казалось, что сейчас в моде воздушный флот.

– Воздушники предпочитают родовитых княгинь, госпожа моя.

– Подумать только!

– Ничего удивительного. Они рискуют жизнью в каждом тренировочном вылете, они пахнут маслом и «этими страшными бомбами». К тому же все они тощие до ужаса – весовой лимит, а многих дам это обстоятельство доводит едва не до обморока.

– Каково же приходится господину князю?..

– «Даамир», госпожа моя, это отдельная история. Думаю, ни один из пеллийских военных кораблей не смог бы выжить в тех штормах, что встретились нам на пути с островов Банлун.

Инго хотел добавить, что и сам был шокирован, поднявшись на борт серебристо-черного титана, но вовремя прикусил язык. Говорить об этом с Элидой пока не стоило. Корабль князя Маттера потряс его до глубины души. Инго и не представлял себе, что кто-то в Пеллии способен построить такое чудовище. Да, ему случалось видеть «Даамир» на светографиях, но в реальности все было по-другому. По сравнению с королевскими крейсерами этот корабль казался недостижимым совершенством.

Впереди показалась небольшая площадь, где вокруг спящего до жары фонтана стояли несколько извозчиков.

– Здесь нам пора прощаться, – улыбнулся Инго. – Дальше я пойду пешком. Нужно купить вина, сладостей и всего прочего. Довольно странно делать все это без толпы слуг... И хвала богам.

Глава 6

Проводив своего старого финансиста господина Глусса, Маттер вернулся обратно в просторный кабинет на втором этаже. Окна выходили в сад, сейчас ярко играющий оттенками зеленого под вдруг проснувшимся солнцем. Усталость наконец отпустила его, князь снова чувствовал себя молодым. Маттер поднял оконную раму, высунулся в сад и несколько раз глубоко вдохнул ароматы влажной листвы.

Дело в Майли имело для него некоторые последствия финансового характера. Господин Коноуший Левоу Стороны, хорошо осведомленный об услуге, которую князь Маттер в очередной раз оказал Трону, счел за благо поставить пару подписей на бумагах с красными печатями. Теперь о деньгах можно было не думать. Ремонт потрепанного бурями «Даамира» и сборы в новую экспедицию сразу были проплачены через почтеннейшего Глусса, а значит, время до прибытия Влиры можно потратить на поиск информации о таинственном авантюристе, угнездившемся в далекой Рамле.

С улыбкой на губах Маттер вышел из кабинета, свесился вниз на лестнице и зычно гаркнул:

– Госпожа Кирна!

– Бегу, ваша милость! – тотчас донеслось из кухни, и в холле первого этажа появилась массивная фигура домоправительницы.

– Без Васко я как без рук, так не изволите ли вы подать мне подогретого вина и булочки с сыром?

– Одну минутку, ваша милость! – Улыбаясь, госпожа Кирна задрала голову, помахала рукой и пропала.

Маттер покачал головой. Отсутствие верного Васко было непривычным, многое приходилось делать самому. Садовник, бывший морской пехотинец Ладло, три года тому взятый на свое место за трудолюбие и, главное, умение свернуть шею любому вору, для замещения слуги не годился никак – куда с его ручищами кувшины таскать, перебьет все по неловкости.

Внизу щелкнул замок калитки. Маттер прищурился, ключи были только у своих, значит, это или Хадден, или госпожа Ламма, впрочем, перестук дамских каблучков по плитам дорожки развеял его сомнения. Через минуту в дверь кабинета постучали.

– Домоправительница сказала мне, что вы уже освободились. – В руках Элида держала поднос с вином и булочками.

– Да! Прошу вас... Вы где-то гуляли с Инго?

– Не скажу, что гуляли, господин князь. Мы были у одного ученого богослова, хорошо знакомого с делами столичного клира. Своеобразнейший господин, общаться с такими людьми – одно удовольствие!

С этими словами женщина поставила поднос на стол и вытащила из своей сумки газету. Маттер, хмурясь, пробежался глазами о загадочной секте и опустил в кресло.

– Выпейте вина с дороги, – предложил он. – Обед будет не очень скоро... К этому богослову вас потащил, я так понимаю, Инго? И о чем они там беседовали?

– Господин, наш принц встревожен, а после разговора с магистром встревожился еще сильнее. Секта эта выглядит довольно странно. Магистр Паули сам бывал на одной из их публичных проповедей и оказался шокирован тем, что увидел и услышал. Проповедники каким-то образом гипнотизируют людей, чтобы выманить у них деньги.

– Гипнотизируют?

– По словам магистра – просто сводят с ума. Сам он клянется, что ничего подобного никогда не видел, а уж ему, я думаю, верить можно вполне. Методы, которые используют эти люди, в Пеллии еще не применялись, хуже того, магистр считает, что виденное им не имеет

никакого отношения к религии, это чистая манипуляция с целью обогащения. Но есть кое-что еще: секта активно вербует людей, готовых отправиться в некие «удаленные места» в поисках чего-то чрезвычайно важного. Идет ли речь о храмовых ценностях либо о чем-то другом – пока неизвестно. Инго попросил Паули заняться этим делом, и через несколько дней тот обещал доложить результат. Пока это все.

Маттер одобрительно склонил голову. Рассказ Элиды понравился ему деловитостью и почти военной четкостью. Князь уже знал, что все то время, пока он торчал на Банлуне, госпожа Ламма просидела в архивах, пытаясь найти хоть что-нибудь интересное о Корне и рождении культа Секех. Поиски не привели к заметным результатам, зато теперь – вот! Появление секты выглядело неожиданностью, однако Маттер не удивлялся уже ничему.

– Вы молодцы, – сказал он. – Итак, снова Секех? Если бы не ее имя, вы вряд ли обратили бы внимание на колонку в дешевой газетке, верно? Впрочем, тут не надо быть особо догадливым... И что же, – Маттер с непонятной улыбкой заглянул в глаза Элиды, – вы считаете, что эти проповедники могут быть связаны с тем, кто послал на Тар Даглана?

– Я почти уверена в этом, – коротко кивнула Элида. – Доказательств у нас пока нет, но господин Паули произвел на меня впечатление человека знающего и остроумного. Он найдет способ расшевелить эту, хм... выгребную яму.

– Шевелить ее будем мы, – Маттер придвинул налитый бокал к руке женщины и встал, – но после Паули. Менее чем через месяц придет время лететь в Рамлу. Времени мало, так что следует провести его с толком. Завтра утром я беру Инго и отправляюсь на нашу базу, смотреть, как идут дела с ремонтом корабля. А вы с Хадденом постарайтесь как-нибудь подъехать к старому монастырю – вокруг него наверняка толпятся молельщицы – и потритесь там, послушайте. Истерички всегда словоохотливы.

* * *

Дорога на Квирт – так назывался поселок, на окраине которого располагалась старинная обитель, занятая сейчас членами секты, – начиналась в двадцати лонах от западных предместий столицы, сворачивая с недавно перестроенного королевского тракта. Тракт этот, носивший в разные эпохи множество имен, считался чуть ли не самым древним в Пеллии. Хадден и Элида давно уже выехали из города, а по обеим сторонам широченной трассы все так же тянулись старинные усадьбы за невысокими каменными заборами. То там, то сям мелькали вывески таверн и ресторанов, соперничающие друг с другом солидностью дат основания, любовно выписанных золотистой краской. Расширение тракта заставило казенных застройщиков выкупить целые полосы земли со стоявшими на них домами. Размеры участков оказались очень разными, так что теперь на месте всяких выемок и загогулин появились приметы нового времени в виде топливозаправочных станций, всяких мастерских, а также товарных дворов, где тяжелые паровые тягачи, въезд которых в столицу запрещался самым категорическим образом, разгружались и загружались снова. Уголь, особым образом подготовленная вода, смена экипажа, – и вот добродушный пытящий гигант снова выходит на дорогу. Некоторые королевские инженеры предлагали скопировать опыт Ханонго, где удачно экспериментировали с металлической речной колеей, однако частные дорожные компании, которые в основном и строили дороги, уперлись. Пеллия – Архипелаг Тысяч Островов, и если тягач с прицепами берет самый обычный паром, то как быть с машиной, предназначенной для движения по рейкам? Строить прорву особых судов, а потом еще и тянуть эти самые рейки к пристани? А как их стыковать с палубой? Нет, говорили они, то, что хорошо для сугубо континентальных держав, Пеллии не подходит.

Для поездки в Квирт Хадден арендовал юркий двухместный «Лоури» на пятнадцать сил. Тяжкие серые тучи окончательно исчезли где-то в океане, солнце припекало по-летнему, так что кожаный верх лежал позади сидений, упакованный в чехол с завязками. На выезде из

города Элида велела капитану остановиться возле большого продуктового магазина, откуда вернулась с корзинкой «дорожных деликатесов», и, довольная собой, уложила ее в небольшой багажник за сиденьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.